Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

иером. Авраамий

Пекинское сиденье:

из дневника члена православно-русской миссии в Китае

Опубликовано:
Христианское чтение. 1901. № 1. С. 65-112.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Пекинское сидѣнье.

(Изъ дневника члена православно-русской миссіи въ Китаѣ).

Въ началѣ мая (1900 г.) доходили уже до насъ тревожные слухи о приближеніи «боксеровъ» къ Пекину и о раззореніи многихъ инославныхъ миссій внѣ его, по деревнямъ. Правда, слухи о боксерахъ были еще на Пасху, тогда еще говорили (въ посольствѣ), что возмущеніе китайцевъ подготовляется серьезное, что глава французскихъ миссій, епископъ Пьеръ Фавье снабжаетъ оружіемъ свои миссіи и приказываетъ укрѣпляться для защиты отъ нападеній боксеровъ.

О причинахъ «великаго возмущенія» въ то время говорили такъ, что причиной его послужили притѣсненія китайцевъ-язычниковъ китайцами-христіанами, которые подъ покровительствомъ своихъ миссіонеровъ вѣроломно захватывали, будто бы, земли сосѣдей и сильно утѣснили ихъ на поляхъ. У китайца на полѣ погребены предки, онъ долженъ всю жизнь стеречь ихъ и быть погребеннымъ на томъ же полѣ, а тутъ вдругъ притѣсненіе да еще отъ кого! отъ «заморскихъ чертей»—(такъ китайцы называютъ европейцевъ). Я не допускаю, чтобъ миссіонеры столь неблагоразумно поступали и, дѣлая несправедливости, тѣмъ самымъ пресѣкали развитіе проповѣди христіанства и губили бы свое же дѣло. Вѣрнѣе думать, что китайцы христіане сами слишкомъ злоупотребляли своими связями съ европейцами, запугивали ими свои сельскіе суды и отнимали земли у сосѣдей. Такъ объясняли въ то время причину народнаго неудовольствія, но можетъ быть впослѣдствіи окажется и другая подкладка; можетъ быть движеніе имѣло первый толчокъ сверху,—со стороны китайскаго правительства, со стороны регентши - царицы и вообще всей

партіи консерваторовъ, обскурантовъ, приверженцевъ китайской старины. Но какъ бы то ни было, сверху или снизу началось движеніе, оно должно было искать поддержки въ народѣ, въ общественномъ мнѣніи, а на народъ могли повліять только религіозныя бредни жрецовъ, колдуновъ и заклинателей, потому что чиновники китайскіе, какъ воры и тунеядцы, не имѣютъ вліянія на народъ. Итакъ, движенію приданъ былъ характеръ религіозный, т. е. вожаками толпы стали жрецы идольскихъ капищъ всѣхъ языческихъ религій Китая и ихъ единомышленники.

Въ послѣдніе годы не разъ уже въ весеннее время замѣчалось движеніе среди китайской деревенщины и европейскія канонерки держались вблизи береговъ Печилійскаго залива, но все кончалось ничѣмъ,—года были урожайные и крестьянину-китайцу трудно было разстаться съ своимъ полемъ. Нынѣшній же годъ особенный, за всю весну не было ни одного дождя, а китайцы безъ дождя и не сѣютъ. Старожилы не припомнятъ другаго подобнаго лѣта, подобной весны. Пыль стояла въ воздухѣ какъ густой туманъ, солнце, казалось, выжигало даже корни растеній, а небо, повидимому, потеряло навсегда способность одождить какую-нибудь влагу. Народъ сталъ понимать, что голодъ неизбѣженъ, что въ деревнѣ дѣлать нечего до самаго наступленія тропическихъ лѣтнихъ дождей, что нужно искать гдѣ-нибудь пищи. Вотъ тутъ-то и пущенъ былъ слухъ, что небо караетъ китайцевъ за то, что они допустили жить европейцевъ въ своей имперіи, и что только кровію сихъ послѣднихъ откроется небо и оросится земля для плодородія. Стали собираться патріоты и привлекать къ себѣ людей, которымъ въ деревнѣ неминуемо угрожала голодная смерть; такъ образовались толпы «боксеровъ».

Что же такое боксеры? «Боксеры»—слово европейское, выражающее тотъ смыслъ, что всѣ принадлежащіе къ этому обществу занимаются тѣлесными упражненіями, фехтованіемъ, гимнастикой, стрѣльбой изъ лука и бѣганіемъ въ запуски. Китайцы же называютъ боксеровъ «*ихуо-туань*», что значитъ: рыцари большаго (длиннаго) меча. Это патріотическое общество (одно изъ многихъ) существуетъ около тридцати лѣтъ въ Китаѣ, и имѣетъ своей задачей защищать угнетенныхъ, наблюдать справедливость при раскладкѣ земскихъ повинностей и распредѣленіи земельныхъ участковъ. Внѣшніе признаки принадлежности къ этому обществу—красный поясъ

и головная повязка. Въ обыкновенное время къ этому обществу принадлежатъ деревенскіе старосты (тегуши) и оно довольно мирно судитъ свои общественныя, крестьянскія дѣла, пользуясь заслуженнымъ довѣріемъ и симпатіями народа. Теперь вдругъ они написали на своемъ знамени: «смерть европейцамъ» и начали волновать народъ, собирая его въ огромныя полчища.

Очевидно, что для этого надо было заручиться дружбою вліятельныхъ князей, у которыхъ довольно было запасовъ для пропитанія этой голодной толпы. Такъ въ самое первое время начавшихся волненій стали фигурировать имена князей Дуна, Ламфусьяна, Нишичена и другихъ вліятельныхъ чиновниковъ, какъ принадлежащихъ къ обществу боксеровъ. Отъ ихъ имени въ газетахъ печатались прокламаціи, расклеивались афиши и всевозможныя объявленія объ успѣхахъ ихотуанскаго движенія и о срокахъ, когда они рѣшили разрушать тѣ или другія европейскія учрежденія. Всякій правительственный указъ, направленный противъ мятежниковъ, вызывалъ съ ихъ стороны въ свою очередь указъ, противоуказъ, который вывѣшивался на томъ же столбѣ или на той же стѣнѣ какого-нибудь кладбища или кумирни. Когда самъ военный губернаторъ Чжилійской провинціи открыто заявилъ свою принадлежность къ партіи боксеровъ, очевидно они могли дѣйствовать нахально и еще находясь за 200 верстъ отъ Тянзина, прислали свое первое объявленіе, что они идутъ, и возваніе къ сынамъ отечества, чтобы тѣ возстали и вооружились противъ общаго врага, противъ европейцевъ. Сила, сдвинувшая китайцевъ съ ихъ жилья, должна была и увеличивать ихъ полчища.

Вербовка въ члены общества, по разсказамъ происходила такъ. Каждый станъ ихотуанцевъ имѣетъ одинъ или нѣсколько жертвенниковъ, на которыхъ стоятъ идолы и курятся свѣчи, или же только одни свѣчи безъ идоловъ. Неофита приводятъ къ жертвеннику, предъ которымъ онъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, по языческому обычаю каждый разъ складывая ладони рукъ вмѣстѣ и поднося ихъ ко лбу. Затѣмъ онъ подаетъ навзничь въ сторону, противуположную жертвеннику (такъ принято) и лежитъ такъ долго,—около часа, какъ бы въ обморокѣ, съ закрытыми глазами; затѣмъ не открывая глазъ, онъ начинаетъ руками производить такія движенія, какъ будто рубитъ ножомъ направо и налѣво, тогда

подаютъ ему одинъ или два меча, проще сказать, длинныхъ ножа (аршина по $1^1/_2$), обыкновенно очень тупыхъ и ржавыхъ, но которые въ глазахъ китайца въ состояніи наводить ужасъ. Ставши на ноги онъ продолжаетъ уже «науку» какъ настоящій боксеръ, имѣющій право носить поясъ и головную повязку. Конечно ему съ этого времени производится выдача пищи отъ общества и онъ уже не голодаетъ. Народная же молва облекаетъ все это въ формы чудесныя; говорятъ, что ихотуанецъ получаетъ при посвященіи около 3 коп. мелкими мѣдными деньгами и одну хлѣбную лепешку, и что сколько бы времени они не жили въ станѣ, какъ деньги такъ и хлѣбъ у него не изсякаютъ; что вражья сила, видимо, помогаетъ имъ наприм. въ дѣлѣ отысканія христіанъ; что главный атаманъ шайки безошибочно отличаетъ китайцевъ-христіанъ отъ язычниковъ по бѣлому кресту, который онъ одинъ видитъ на лбахъ христіанъ. На самомъ же дѣлѣ они придираются къ каждому китайцу, понуждаютъ его приносить жертву и кланятся идолу и смотрятъ,—какъ истово онъ будетъ все это продѣлывать. Говорили, что въ ихъ полкахъ есть и кандидатъ на царскій тронъ; когда они возьмутъ Пекинъ, то поставятъ его царемъ. Въ ихотуанцы принимаются и женщины (изъ-за хлѣба или изъ страха быть убитыми), но особенно много дѣтей отъ 13 лѣтъ; изъ нихъ лучшими считаются тѣ, которые склонны къ обмороку или къ гипнотизму, болѣе нервныя дѣти.

По приходѣ въ деревню вербовщики принимаютъ знаки покорности и уваженія отъ жителей, приводятъ ихъ по своему обряду (описанному выше) въ свое общество, а непокорныхъ убиваютъ зарывая въ землю, дома ихъ сожигаютъ. Становище въ деревнѣ ведетъ себя шумно, всѣ (особенно молодежъ—дѣти) занимаются фехтованіемъ на ножахъ, борьбой. Они, какъ защитники правды, не имѣютъ другаго оружія кромѣ длинныхъ ножей и короткихъ деревянныхъ копій. Пуля ихъ не беретъ... Впрочемъ, такъ было вначалѣ, а потомъ 30-го іюня подъ Тянзиномъ пришлось имъ вооружиться хорошими Моузеровскими винтовками. Но покуда, всѣ они — колдуны, умѣютъ нагонять страхъ, отводить глаза непріятелю, быть неуязвимыми и продѣлывать массу всевозможныхъ загадочныхъ штукъ. Не желая прослыть ворами или разбойниками, они напередъ разсылаютъ объявленія, куда хотятъ придти, какую деревню или миссію жечь и выполняютъ свои

обѣщанія, хотя не всегда аккуратно по времени. Однако, большею частію, запаздываютъ, чтобы дать возможность убѣгать жителямъ и оставлять зданія безъ охраны и защиты; дѣйствуютъ болѣе издали, — страхомъ.

Первая вѣсть о дѣйствіяхъ ихотуаней подъ Пекиномъ дошла до насъ въ первыхъ числахъ мая мѣсяца. Говорилось о раззореніи нѣсколькихъ китайскихъ деревень въ окрестностяхъ Пекина, избіеніи христіанъ-китайцевъ, сожженіи церквей, при чемъ нѣкоторые христіане (это были лютеране) пожелали быть сожженными въ церквахъ своихъ, а не въ домахъ. Въ Пекинѣ ихотуанскія толпы стали ходить довольно спокойно: никто не препятствовалъ имъ, хотя для отвода глазъ были поставлены у воротъ небольшіе отряды китайскихъ солдатъ яко бы для задержанія какихъ-то «разбойниковъ». Помѣщенія же для нихъ оказалось много на княжескихъ дворахъ, различныхъ князей предводителей, и въ обширныхъ кумирняхъ, гдѣ и пищевыхъ продуктовъ заготовлено много. Тамъ они располагались станомъ, производили свое «ученіе» и обучались военному искусству и перевооружались.

Когда необходимость столкновенія сдѣлалась очевидной для всѣхъ, были затребованы дессанты, а русскій посланникъ посѣтилъ вмѣстѣ съ супругой нашу миссію. Этотъ визитъ подчеркивалъ китайцамъ, что миссія имѣетъ сильное покровительство, и что посольство не безучастно къ миссіи. Отца архимандрита (начальника миссіи) не было дома, онъ вернулся изъ Пэйтахо передъ праздникомъ Вознесенія Господня. Еще раньше приходилось задумываться о средствахъ защиты, о возможности защиты, о мотивахъ защиты. Осмотръ стѣнъ и воротъ миссіи показалъ, что онѣ существовали лишь для мирнаго времени и не представляли никакого препятствія при серьезномъ нападеніи; при томъ сосѣдство городской стѣны, превосходящей высотою всѣ миссійскія постройки, давало рѣшительный перевѣсъ благопріятныхъ условій для нападающихъ и, словомъ, дѣлало невозможной какую-нибудь оборону. Однако въ головѣ носилось смутное представленіе о *долгѣ защиты*, особенно, если бы христіане-китайцы сдѣлали какой-нибудь починъ въ этомъ направленіи; но они сохраняли кажущееся спокойствіе и поддерживали другъ въ другѣ «храбрость». Да и что было дѣлать, когда вопросъ о самозащитѣ не былъ еще и въ принципѣ рѣшенъ. Рѣшеніе его состоялось по пріѣздѣ о. архимандрита въ такомъ смыслѣ, что духовныя лица, какъ обладающіе

духовнымъ оружіемъ, не должны прибѣгать къ какому-либо другому, и что при защитѣ все равно убивать людей нельзя служителю алтаря. Оставалось допустить такой пріемъ, какой допущенъ католиками: стрѣлять отнюдь нельзя, а можно только пріобрѣсти ружье, зарядить его боевымъ патрономъ, дать его держать какому-либо недуховному лицу, взвести курокъ, прицѣлиться куда нужно стрѣлять и сказать: ну, братецъ, стрѣляй,— я благословляю! Подивился я этой казуистикѣ и освѣдомился о томъ, будетъ ли принятъ русскій дессантъ въ миссію, если бы посланникъ предложилъ дать намъ для защиты человѣкъ 25 матросовъ? Рѣшено отказаться отъ помощи русскихъ солдатъ, да ихъ намъ и не предложили, такъ какъ ихъ всего прибыло, для защиты посольства, 75 человѣкъ. Еще тогда никто не представлялъ себѣ серьезности положенія и думали, что придется защищаться не болѣе недѣли, а то нечего было и думать о запасѣ провіанта хотя бы на 25 солдатъ въ стѣнахъ духовной миссіи. Къ тому же вниманіе наше отвлечено было деревнею Дунь-ди-нань.

Изъ этой деревни, находящейся въ 50 верстахъ отъ Пекина на юго-востокѣ, было получено извѣстіе отъ нашихъ христіанъ-китайцевъ, о приходѣ туда ихотуанцевъ, которые образовали станъ, вербуютъ жителей въ свои полки и обѣщаютъ въ скоромъ времени уничтожить христіанскіе храмы въ деревняхъ, въ томъ числѣ и православную церковь. Такъ какъ извѣстіе было получено за три дня до предполагавшагося пріѣзда о. архимандрита, то я не счелъ нужнымъ посылать ему телеграмму: она едва ли могла ускорить его отъѣздъ изъ Пэйтахо хотя на нѣсколько часовъ времени. Я написалъ утѣшительное письмо къ Дуньдинаньскому молодому учителю-катихизатору, письмо это никто изъ христіанъ везти не рѣшился. Всѣ были въ страхѣ и предлагали мнѣ обратиться къ помощи китайскихъ солдатъ для охраны Дуньдинаньской церкви, но безъ о. архимандрита у насъ не принято дѣлать что-либо, да и китайскіе солдаты успѣли уже прославиться защитой европейцевъ инженеровъ на Тянзинской желѣзной дорогѣ, гдѣ они стрѣляли въ своихъ охраняемыхъ, а одной англичанкѣ разрѣзали животъ. Такимъ людямъ довѣряться рисковано. По пріѣздѣ въ Пекинъ, о. архимандритъ объявилъ, что собирается самъ ѣхать въ Дунь-ди-нань и вызываетъ добровольцевъ (пѣвчихъ, учителей). Страхъ нашъ тотчасъ пропалъ: всѣ китайцы заявили, что

готовы ѣхать съ о. архимандритомъ, если бы даже пришлось умереть. Нужно было ѣхать самому начальнику миссіи потому, что могли быть, обстоятельствами дѣла, вызваны крайнія мѣры: отлученіе отъ церкви непокорныхъ, крещеніе вновь обращающихся, закрытіе школы, смѣна катихизатора. Но ничего подобнаго не случилось; въ слѣдующее за Вознесеніемъ воскресенье отслужена о. архимандритомъ съ пѣвчими литургія въ Дуньдинаньской церкви, затѣмъ посѣщены дома христіанамъ; семья, передавшаяся изъ страха на сторону ихотуанцевъ, оказалась въ бѣгахъ. Словомъ все обошлось благополучно; на другой день о. архимандритъ вернулся въ Пекинъ; хотя на дорогѣ замѣчалось волненіе толпы китайцевъ и раздавались вызывающіе крики и ругательства.

Черезъ четыре дня церковь наша и подворье въ д. Дунь-ди-нань были сожжены. Очевидцы разсказываютъ объ этомъ такъ. За нѣсколько дней было на стѣнѣ подворья приклеено объявленіе (на красной бумагѣ), что храмъ будетъ разрушенъ. Такія же объявленія были расклеены по окрестнымъ деревнямъ, гдѣ были храмы другихъ христіанскихъ миссій. Въ день погрома часа въ три дня собирались толпы у подворья, кричали, ругались, бросали каменьями черезъ стѣну. Въ шесть часовъ вечера толпа ихотуанцевъ-поджигателей, пробѣгая по деревнямъ и разрушая храмы, достигла Дунь-ди-нани. Ихотуаней костюмированныхъ и вооруженныхъ копьями было не болѣе десятка, остальные — невооруженная толпа ихотуанскаго лагеря. У воротъ подворья, которыя были изнутри заперты, толпа на минуту остановилась и стихла. Послышалась команда, состоящая изъ двухъ словъ: «*тинъ*», что значитъ «входи» и «*ша*», что значитъ «убивай, разбивай». Послѣ чего дружнымъ натискомъ сломаны ворота, толпа ворвалась на дворъ, повалила колокольню, устроенную въ видѣ тріумфальныхъ воротъ на деревянныхъ столбахъ съ навѣсомъ, и устремилась въ церковь. Покуда одни разбивали деревянную дверь, толпа, женщины и дѣти приносили солому и камышъ для поджога. Такъ какъ брать въ церкви было нечего, цѣнныхъ вещей не было, то погромъ ограничился тѣмъ, что выбиты были стекла, разбросаны книги, подсвѣчники... Гора соломы натаскана была на средину пола и не болѣе какъ черезъ пять минутъ наши два бѣжавшіе китайцы, выскочивъ за околицу деревни, увидѣли черный столбъ дыма, взвившійся надъ подворьемъ. Эти два китайца, учитель и пѣвчій, остав-

ленные отцемъ архимандритомъ, всю ночь бѣжали и на утро извѣстили какъ въ посольствѣ такъ и у насъ о катастрофѣ. Впослѣдствіи было узнано, по слухамъ, что въ деревнѣ Дунь-ди-нань разграблено и сожжено отъ 4 до 6 домовъ христіанъ, убиты двѣ женщины язычницы изъ христіанскихъ семей и одинъ или два христіанина; остальные предались бѣгству. Изъ 12 учениковъ школы нѣкоторые, вѣроятно изъ страха передъ родителями, передались на сторону мятежниковъ, но эти мальчики были язычники и учились въ *школѣ* всего мѣсяца три не болѣе.

Извѣстіе о Дуньдинани произвело панику среди нашихъ христіанъ; только и рѣчи было между ними—что объ успѣхахъ ихотуанскаго движенія, о разрушеніи ими желѣзнодорожнаго полотна, о пожарахъ вокзаловъ, о прекращеніи всякаго сообщенія съ Пекиномъ. Говорили, что за городомъ на стѣнѣ какого-то кладбища, имѣющаго трое воротъ, было наклеено объявленіе, назначающее сроки для сожженія различныхъ миссій въ Пекинѣ, при чемъ нашему сѣверному подворью духовной миссіи назначенъ завтрашній день т. е. 26-го мая вечеромъ. Среди дня пріѣзжали къ отцу архимандриту русскій посланникъ М. Н. Гирсъ съ младшимъ драгоманомъ упрашивать отца архимандрита немедленно же оставить миссію и ѣхать на южное, посольское подворье, чтобъ искать тамъ убѣжища подъ защитою 75 русскихъ штыковъ.

Я получивъ отъ отца архимандрита приказаніе собрать часть ризницы и все серебро для отправки въ посольскую церковь, и занялся этимъ дѣломъ въ церкви, думая остаться самъ дома или пріѣхать на завтра служить литургію, такъ какъ была родительская суббота. Былъ назначенъ срокъ отправки вещей въ 8 часовъ вечера, потомъ пришлось ускорить его до 7 и наконецъ до 6 часовъ, что ужасно невыгодно отразилось на нашихъ сборахъ; но дѣлать было нечего. Еще съ 4 часовъ пришло къ воротамъ подворья 20 человѣкъ китайскихъ солдатъ въ качествѣ охранителей подворья, тотчасъ стала собираться толпа китайцевъ, на улицѣ, у воротъ; толпа тысячная, которую разогнать было невозможно; боялись столкновенія съ христіанами и потому надо было ускорить отъѣздъ. Отецъ архимандритъ, кажется, собирался за нѣсколько дней раньше и теперь больше пребывалъ въ своемъ помѣщеніи, хотя онъ тоже взялъ немного вещей изъ своего имущества, мы же съ

отцомъ діакономъ, до послѣдней минуты пробывши въ церкви, могли изъ своихъ квартиръ вынести только попавшійся чемоданъ съ бѣльемъ, да двѣ три книги со стола, когда предъ самымъ отъѣздомъ намъ сказали, что мы непремѣнно должны ѣхать всѣ вмѣстѣ въ посольство. При этомъ насъ увѣряли, что церковь и подворье (наши квартиры) сдаются подъ отвѣтственность китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и что сейчасъ непремѣнно пріѣдутъ два китайскихъ чиновника съ русскимъ драгоманомъ и опечатаютъ все имущество, но никакихъ чиновниковъ не пріѣхало, и такъ мы налегкѣ отправились изъ миссіи.

Садясь въ телѣгу, я какъ-то сознавалъ всю бездну, которая теперь отдѣляетъ меня отъ нашихъ христіанъ-китайцевъ и отъ этихъ мальчиковъ учениковъ, съ которыми я за два года ученья, казалось, такъ сроднился. Но зачѣмъ они такъ испуганно смотрятъ на меня, развѣ наружность моя такъ растеряна или они опасаются за мою жизнь, за мою цѣлость? Попробовалъ обратится къ взрослому ученику съ вопросомъ, отвѣтъ получился такой вялый, уклончивый. А, теперь я сознаю, что всякую связь со мной всѣ вы, господа, считаете навсегда утраченной. Да можетъ это была одна мечта, — можетъ никакой связи и не было?.. Но прочь печальныя мысли! Не дальше какъ завтра я пріѣду сюда, буду служить въ этомъ самомъ храмѣ, полномъ еще всякой утвари и священныхъ облаченій, съ этими же пѣвчими, которые такъ дичаться меня и пугливо озираются на толпу язычниковъ-сосѣдей...

Какъ на грѣхъ передній возница вздумалъ ѣхать во всю прыть, остальныя повозки, (а ихъ было шесть или семь), не должны были отставать и приданъ былъ нашему отступленію характеръ бѣгства. Мы бѣжали ни кѣмъ же гонимы, и обращали на себя вниманіе толпы по улицамъ Пекина, которыя кишели народомъ, разодѣтымъ по праздничному; всѣ радовались приближенію кровавой расправы съ европейцами. На другой день, какъ и въ послѣдующіе за нимъ дни, поѣхать на сѣверное подворье не удалось, от. архимандритъ запретилъ намъ съ от. дьякономъ поѣхать туда въ виду того, что посланникъ не можетъ принять на себя отвѣтственность въ случаѣ какого-нибудь несчастія съ нами въ дорогѣ по городу, такъ что удалось еще дня черезъ два получить самоваръ, чайный приборъ, часы и кое-что изъ

платья. Между тѣмъ наши китайцы въ теченіи пяти дней аккуратно являлись и рапортовали начальнику миссіи о благополучіи сѣвернаго подворья, и что сто китайскихъ солдатъ постоянно оберегаютъ его, и что толпа народу хотя и есть, но небольшая. Такъ что от. архимандритъ серьезно намѣревался съ приходомъ слѣдующаго дессантнаго подкрѣпленія въ 2 тысячи человѣкъ, которое ожидалось со дня на день, взять человѣкъ 30 русскихъ матросовъ и ѣхать на сѣверное подворье; было сдѣлано уже распоряженіе о покупкѣ риса и довольнаго числа барановъ для продовольствія солдатъ. Между тѣмъ какъ всѣ слуги въ иностранныхъ посольствахъ разбѣжались еще раньше, при от. архимандритѣ осталось два вѣрныхъ китайца, пребывшіе съ нимъ до конца осады. Правда одинъ изъ нихъ все время тосковалъ, отказывался отъ пищи и казался больнымъ.

На улицахъ продолжалось большое оживленіе, китайцы толпами собирались у посольствъ, весело болтали, разсматривали вооруженіе дессантныхъ и наводняли тротуары нищими. Торговля съѣстными припасами шла бойко, слышались крики торгашей-столешниковъ. Бывали дни, когда казалось весь городъ двигался по направленію вокзала ж. д., шли смотрѣть «заморскаго чорта», хотя поѣзда уже прекратили движеніе, путь былъ сломанъ. Очевидно, по городу ходили нелѣпые слухи и этимъ слухамъ толпа вѣрила; можетъ быть ждали прихода главныхъ полчищъ ихотуанцевъ и вступленія въ городъ ихъ предводителя. Телеграфъ еще нѣсколько дней работалъ, затѣмъ былъ порванъ, какъ на югъ такъ и на сѣверъ. Еще въ послѣдній разъ изъ Тяньзина пришла почта инкогнито въ простыхъ вьюкахъ, но потомъ и этого сдѣлать нельзя было и мы оказались отрѣзанными отъ всего цивилизованнаго міра. Теперь случайные слухи, получаемые отъ китайцевъ, давали намъ знать о томъ, что происходило вокругъ города, какъ регулярныя китайскія войска собирались подъ стѣнами города и прекратили подвозъ припасовъ, осматривали каждаго прохожаго, раздѣвая до нага, чтобы не было какихъ писемъ; какъ убиты за городомъ два европейца-миссіонера и сожжена домовая церковь на дачѣ англійскаго посланника. На всѣ отношенія посольствъ китайское министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣчало отказомъ, говоря, что прекращаетъ сношенія съ европейцами изъ боязни возбудить противъ себя негодованіе народа. Но извѣстно было, что вновь обра-

зованное китайское министерство составилось исключительно изъ лицъ дико злобствующихъ противъ европейцевъ. Эти высокопоставленные боксеры были съ визитомъ у нашего посланника, когда дошелъ до нихъ слухъ о посадкѣ въ Портъ-Артурѣ русскаго 2-хъ тысячнаго отряда, шедшаго освобождать насъ. Министры просили объ отозваніи этого отряда назадъ, такъ какъ онъ могъ вызвать новый взрывъ народнаго негодованія. А пекинскимъ европейцамъ предлагали лучше собраться и идти въ Тяньзинъ. Они показывали видъ, будто очень боятся 2-хъ тысячной арміи и спрашивали: не желаетъ ли она воевать Китай? Ихъ успокоили и отпустили съ миромъ.

Между тѣмъ настроеніе европейцевъ сильно портилось; назойливость толпы выводила всѣхъ изъ терпѣнія. Секретарь японскаго посольства, очутившійся за городомъ у вокзала, былъ задержанъ и звѣрски убитъ китайскими солдатами. Казалось ждали только случая или условнаго сигнала, чтобы напасть на насъ и уничтожить. Безъ вооруженія европейцы и не показывались на улицѣ и нашимъ полицейскимъ (изъ австрійцевъ) много надо было имѣть самообладанія, чтобъ удерживаться отъ рукопашной схватки съ разнуздавшейся толпой. Но вотъ случилось повидимому пустячное событіе: два боксера въ китайской, закрытой телѣжкѣ подъѣхали къ самымъ воротамъ французскаго посольства, и такъ какъ сидѣвшіе у воротъ, якобы для охраны, китайскіе часовые безучастно смотрѣли на нихъ, то проходившій здѣсь какой-то посланникъ крикнулъ на нихъ и пригрозилъ стрѣлять изъ револьвера, между тѣмъ боксеры спокойно высаживались и когда на нихъ кинулись европейскіе солдаты, выскочившіе изъ воротъ, то одинъ успѣлъ ступеваться въ толпѣ, а другаго схватили и привели въ нѣмецкое посольство. Вотъ здѣсь обнаружилось, какъ мало самообладанія у европейцевъ, какъ были приподняты нервы у всѣхъ. Этому боксеру посчастливилось: чуть ли не всѣ представители европейскихъ Дворовъ собственноручно дали ему по хорошей затрещинѣ, а о простыхъ смертныхъ, о солдатахъ и говорить нечего. Кто только ни билъ его? Кажется вся колонія руки приложила. При томъ воображается подобающій случаю шумъ и крикъ...

Почти въ то же время испанскій посланникъ, проходя съ какимъ-то господиномъ, встрѣтился въ толпѣ съ изступленнымъ боксеромъ, который съ закрытыми глазами продѣлывалъ въ воздухѣ ножомъ заклинательные

жесты. Наткнувшись въ упоръ на этого мага, посланникъ выстрѣломъ изъ револьвера положилъ его на мѣстѣ. Это былъ китаецъ высокаго роста, опоясанный желтымъ поясомъ изъ яркой матеріи, отъ пояса спускался такого же цвѣта платокъ, на головѣ была красная повязка въ родѣ чалмы съ вышитымъ на ней китайскимъ іероглифомъ означающимъ: «будда-фо» — (идолъ будды). Повязка и поясъ были доставлены въ канцелярію нѣмецкаго посольства для осмотра любопытствующихъ. По этому поводу произошелъ обмѣнъ мыслей между посольствами, видимо были всѣ возбуждены и старались успокаивать другъ друга.

Улица между тѣмъ опустѣла и американская митральеза стояла уже на мостовой, намѣреваясь забросать китайцевъ свинцовымъ дождемъ. Но ей пришлось поработать только спустя два мѣсяца, почти наканунѣ прихода нашихъ войскъ. Теперь же ждали нападенія толпы или регулярной конницы, а потому наскоро устроили первую баррикаду изъ телѣгъ, бочекъ и ящиковъ. Это было 31-го мая часа въ 3 или 4 пополудни. А къ 6 часамъ разнесся слухъ, что боксеры собираются недалеко отъ посольствъ на посольской улицѣ въ кумирнѣ. Сейчасъ же десятка два нѣмецкихъ солдатъ пошли и разогнали непрошенныхъ богомольцевъ. Это послужило сигналомъ къ возмущенію; толпа бросилась жечь миссіи. Прежде всего зажгли какую-то часовню въ юго-восточной части сѣвернаго города, затѣмъ толпа шла на сѣверъ и жгла американскіе храмы-аудиторіи; когда зашло солнце весь небосклонъ надъ городомъ озарился пожарами, которые все множились и разбрасывались на большее пространство.

Въ одномъ изъ пожаровъ на сѣверо-востокѣ мы признавали раззореніе нашего сѣвернаго подворья, что и оправдалось полученными послѣ свѣдѣніями. По разсказамъ очевидцевъ, боксеры пришли туда въ 9 ч. вечера, и такъ какъ ворота были затворены, то пришлось проломать стѣну, употребляя притомъ разрывныя ракеты. Прежде подверглись разграбленію квартиры наши, библіотека, школа и типографія. Когда все это предано было огню; разбили двери въ церкви и стали грабить ее; къ 11 часамъ ночи зажгли и церковь. Боксеровъ было немного, но толпа собралась громадная, многіе изъ южнаго города пришли чтобъ только захватить что-нибудь изъ миссійскаго скарба. Между тѣмъ часть толпы и сосѣди язычники расправлялись съ женщинами христіанъ, жившихъ

вблизи миссіи. При этомъ грабили, жгли и убивали. Въ первую ночь было убито говорятъ 29 христіанъ, въ томъ числѣ всѣ старухи, жившія въ богадѣльнѣ, нѣсколько женщинъ и главные представители, приближенные и вліятельные христіане. Тѣлами ихъ наполнили два миссійскихъ колодца и завалили камнями. Въ послѣдующіе дни толпа продолжала рыться въ развалинахъ ища серебра, а боксеры искали по домамъ христіанъ и стерегли ворота, чтобъ не выпускать ихъ изъ города. Въ воротахъ нѣкоторыя семейства были схвачены и побиты.

На другой день, 1-го іюня, пожары продолжались и особенно ужасенъ былъ пожаръ католическаго собора, называемаго по китайски «Дунъ-танъ», гдѣ звѣрски растерзаны многіе христіане и сгорѣлъ одинъ священникъ европеецъ. Въ тотъ же день 15 человѣкъ американцевъ заняли городскую стѣну противъ своего посольства и наблюдали оттуда за движеніями боксеровъ. Войска китайской кавалеріи тоже двигались по городу и отдѣльными частями выходили изъ воротъ, направляясь по Тяньзинской дорогѣ. Вечеромъ было довольно тихо въ посольствахъ; только слышались изрѣдка ружейные залпы въ сторонѣ австрійскаго посольства. Сидя на крыльцѣ я могъ ясно слышать, какъ за городской стѣной собиралась толпа ихотуанцевъ, съ 11 часовъ ночи до 2 ч. утра они били въ гонгъ и кричали «*ша*» = (убивать). Больше всего слышались голоса дѣтей и старухъ, хриплые, неистовые голоса, ничего общаго не имѣющіе съ человѣческимъ голосомъ.

Около 2-хъ часовъ утра сразу все стихло и, какъ послѣ стало извѣстнымъ, эта толпа бросилась жечь одну изъ католическихъ миссій въ южномъ городѣ, называемую Нань-танъ, гдѣ масса скученнаго христіанскаго населенія тѣснилась вокругъ величественнаго готическаго храма. Дымъ отъ пожара съ ранняго утра далъ знать намъ о случившемся. Но французское посольство не могло послать своихъ солдатъ, такъ какъ еще ранѣе отправило 30 матросовъ на сѣверо-востокъ Пекина въ такъ называемый Бэй-танъ, резиденцію епископа Пьера Фавье.

Этотъ епископъ, говорятъ, личность замѣчательная, музыкантъ, человѣкъ энергичный, знающій самъ военное дѣло. Въ послѣдній визитъ свой въ посольствахъ онъ до истерики прощался со всѣми, говоря что увидимся только на томъ свѣтѣ. Онъ, кажется, одинъ понималъ, какая опасность угрожаетъ, каково теперь возстаніе китайцевъ и что оно несравненно серьезнѣе всѣхъ прежнихъ возстаній. Имѣя у себя $1^1/_2$ ты-

сячи европейски вооруженныхъ китайцевъ-христіанъ, 30 французскихъ матросовъ изъ дессанта и одну хорошую пушку, онъ затворился въ крѣпкихъ стѣнахъ и, такъ же, какъ и мы, выдержалъ двухмѣсячную осаду не имѣя никакого сообщенія съ нашими посольствами. Бэй-танъ подвергался гораздо сильнѣйшей канонадѣ, чѣмъ наши посольства, лишился величественнаго своего храма, но сохранилъ библіотеку и другія учрежденія миссіи вмѣстѣ съ работами предшественниковъ и жизнію многихъ христіанъ. Но обратимся къ пожару въ Нань-танѣ.

Французское посольство не могло послать туда помощи, поэтому вызвались пойдти русскіе и американцы. 30 русскихъ матросовъ и 20 американцевъ совершили отважную прогулку на разстояніи 3 верстъ по городу съ разъяреннымъ населеніемъ; и никто не осмѣлился тронуть ихъ. Когда они пришли къ Нань-тану въ 9 ч. утра, то храмъ уже былъ объятъ пламенемъ, и весь христіанскій кварталъ наполненъ ужасами звѣрства толпы ихотуанцевъ, которые врывались въ домы, грабили, убивали и зажигали все. Приходъ нашихъ солдатъ былъ для нихъ совершенной неожиданностью, многіе бросали свои ножи и лѣзли подъ лавки спасаться; и только совершенно изступленные, обезумѣвшіе отъ убійствъ продолжали кровожадную расправу. Среди нихъ оказался подлый старикашка, китаецъ гнустной наружности; онъ держалъ въ рукѣ небольшое зеркальце, которымъ вращалъ по всѣмъ направленіямъ, пуская солнечные лучи и бормоча свои заклинанія. Это предводитель шайки ихотуанцевъ, онъ ободрялъ своихъ обѣщаніемъ за подвигъ избіенія христіанъ уподобится блистающимъ, какъ зеркало, буддамъ. Русскій офицеръ не нашелъ ничего сдѣлать съ нимъ, какъ только дать ему одинъ щелчекъ по носу, послѣ чего тотъ поспѣшилъ стушеваться въ толпѣ. Между тѣмъ наши матросы, освободившись отъ перваго удручающаго впечатлѣнія, стали понемногу разгонять убійцъ и освобождать христіанъ. Европейцы показали себя львами въ рукопашномъ бою, они истребили массу злодѣевъ. Такъ было освобождено около 300 христіанъ, большею частію женщинъ и дѣтей, которыя препровождены во французское посольство, и, когда тѣ проходили по нашей улицѣ, можно было видѣть этихъ несчастныхъ съ иконами на груди, раненыхъ и обожженныхъ огнемъ. Интересно, что регулярныя китайскія войска (а ихъ была тьма тьмущая!) стояли спокойно на городской

стѣнѣ, саженяхъ въ 30, и любовались на все происходившее. По возвращеніи нашего отряда пошолъ другой, англо-нѣмецкій, отрядъ, намѣревавшійся удивить звѣрствомъ самихъ ихотуакцевъ, но мнѣ неизвѣстно, — что они тамъ застали и что дѣлали.

Кстати скажу, что наши матросы привели 10 ихотуанцевъ плѣнными. Это были большею частію душевно-больные, совершенно звѣроподобные люди. Когда мы съ о. архимандритомъ пришли въ сарай посмотрѣть ихъ, то нѣкоторые отворачивали съ негодованіемъ лица свои, а другіе готовы были ринутся на насъ съ кулаками, но такъ какъ были связаны, то отъ злости дрожали всѣмъ тѣломъ. Особенно обращалъ на себя вниманіе деревенскій парень лѣтъ 18, большой мастеръ распарывать животы дѣтямъ. Онъ имѣлъ 8 ранъ на груди, ранъ уже заросшихъ и видимо уже цѣлый мѣсяцъ работалъ ножомъ въ окрестностяхъ Пекина. Осмотръ произвелъ на насъ такое впечатлѣніе, что мы не могли заснуть всю эту ночь, пока на утро ихъ не передали китайскому чиновнику, якобы для казни; а можетъ быть онъ и опять ихъ выпустилъ на волю, какъ хорошихъ мастеровъ своего дѣла. Во всякомъ случаѣ мы съ часу на часъ ждали ихъ прихода. Съ ними же сидѣлъ и пойманный вечеромъ на улицѣ поджигатель, съ горящей головней пробиравшійся подъ стѣной посольства, вѣроятно съ намѣреніемъ зажигать разрывныя ракеты, заранѣе вставленныя въ стѣну. Одна изъ такихъ ракетъ въ задней стѣнѣ посольства загорѣлась вечеромъ на моихъ глазахъ; но была потушена матросами, державшими посты по крышамъ. Этотъ поджигатель хотѣлъ ночью поджечь и камеру, въ которой сидѣлъ, но былъ убитъ часовыми.

Настроеніе стало очень тревожное, отовсюду ждали поджоговъ и нападеній. Регулярныя китайскія войска проходили мимо къ городскимъ воротамъ. Ихотуанцы толпами расхаживали въ южномъ городѣ; народъ вездѣ встрѣчалъ ихъ съ уваженіемъ. Они же испытывали свою силу и вліяніе на народъ; вѣроятно, для этого издали указъ, чтобъ на утро каждый торговецъ въ городѣ, отворивъ дверь своего магазина, поставилъ на порогѣ три чашки съ водой и самъ стоялъ бы у порога лицомъ къ востоку, ослушникамъ назначалась смертная казнь и сожженіе имущества. На утро, дѣйствительно, всѣ купцы растворили двери и стояли надъ своими чашками, одинъ толъко не сдѣлалъ такъ и его лавка была зажжена ихотуанцами.

Это было 3-го іюня утромъ часовъ въ 7. Начавшійся отъ этого пожаръ скоро принялъ чудовищные размѣры. При сильномъ вѣтрѣ дувшемъ прямо на торговый городъ, пламя прошло по самымъ лучшимъ торговымъ линіямъ. По убыточности это одинъ изъ величайшихъ пожаровъ въ мірѣ, такъ какъ большинство этихъ магазиновъ торговали заграничными, европейскими товарами. Нашъ батумскій керосинъ съигралъ здѣсь свою роль, какъ и вообще во всѣхъ поджогахъ ихотуанцевъ, которые, говорятъ, не только дома, но и людей обливали керосиномъ и зажигали. На пожарищѣ шумъ былъ ужасный: керосинъ рвало какъ выстрѣлы изъ пушекъ; ракеты и порохъ, которыми торгуютъ рѣшительно всѣ лавки въ Пекинѣ, тоже безпрестанно взрывали на воздухъ крыши зданій. Весь день загарались все новыя и новыя части торговыхъ рядовъ и къ закату солнца пламя достигло городской стѣны сѣвернаго города и поглотило одну древнюю башню на воротахъ. Пожаръ начинался уже въ сѣверномъ городѣ близъ самыхъ посольствъ, но былъ потушенъ русскими волонтерами, которые разогнали поджигателей выстрѣлами, а сами благополучно вернулись. Этотъ пожаръ, сдѣлавшій нищими многихъ богачей и многія тысячи семействъ оставившій безъ крова, какъ долженъ былъ подѣйствовать на общественное мнѣніе, которое конечно причиной всего считало европейцевъ?

Мы стали видѣть, какъ окрестные жители выбираются изъ своихъ жилищъ. Начались поджоги частые, безпрерывные. Китайцы зажигали свои дома съ подвѣтренной стороны. Приходилось при каждомъ пожарѣ дѣлать тревогу, ломать сосѣднія постройки и въ то же время терять массу патронъ отстрѣливаясь отъ наплывающей толпы. А терять патроны для насъ было не безразлично. На нашихъ глазахъ разыгралась печальная исторія съ австрійскимъ посольствомъ. Дѣло въ томъ, что когда этотъ, первый, дессантъ отправлялся изъ Тяньзина, то отправители смотрѣли на все черезъ розовыя очки и дали по 60 патроновъ на солдата. Австрійское посольство находится нѣсколько поодаль отъ другихъ и состоитъ изъ обширнаго двора, окруженнаго стѣной и имѣющаго на срединѣ двухэтажное зданіе, только что недавно выстроенное. По своему возвышенному мѣстоположенію и прилегая къ двумъ улицамъ, это посольство представляло надежный стратегическій пунктъ и многіе думали укрыться тамъ, въ случаѣ, если другіе посольства будутъ сожжены.

Но когда боксеры окружили австрійцевъ, они слишкомъ погорячились, не пожалѣли патроновъ и съ горяча были еще обмануты китайцами. Какъ-то ночью пришли они съ факелами и стали противъ воротъ, потомъ привязали факелы къ палкамъ, которыя воткнули въ землю, а сами ушли. Австрійцы сдѣлали нѣсколько залповъ по этимъ свѣчамъ, онѣ же по прежнему стояли неподвижно. Недоумѣніе и страхъ напалъ на нихъ, они рѣшили броситься въ атаку на штыки, тогда только открылся обманъ; толпа давно разбѣжалась и австрійцы напрасно потеряли патроны. Затѣмъ ихъ начали тѣснить, поджигать, и такъ какъ у нихъ людей было мало чтобъ тушить пожаръ, то огонь проникъ во дворъ и уничтожилъ зданія. Австрійцы съ большимъ урономъ бѣжали въ нѣмецкое посольство.

Это случилось 2-го іюня и произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Изъ опасенія, чтобы съ нами не повторилось тоже, мы вечеромъ того же дня стали ломать сосѣднія, прилегающія близко къ нашей стѣнѣ, постройки. Но такъ какъ нашъ дессантъ весь былъ на постахъ, а китайцевъ слугъ у насъ не было, (какіе были, тѣ лежали безъ памяти въ ожиданіи смерти), то пришлось намъ,—волонтерамъ работать надъ этимъ разрушеніемъ. Здѣсь особеннымъ усердіемъ заявилъ о себѣ отецъ дьяконъ, работавшій удачно и безъ устали. Сломавъ нѣсколько китайскихъ домиковъ на улицѣ, мы съ ужасомъ замѣтили, что въ развалинахъ накопилось масса горючаго матеріала, дерева, стропилъ, балокъ, оконъ, что все это давало возможность ихтуанцамъ набросать къ намъ во дворъ зажженныхъ полѣньевъ и горячихъ углей. Поэтому рѣшено было,—все это дерево свозить въ средину нашихъ посольствъ и свалить въ каналъ подъ мостъ.

Эта работа продлилась до позднихъ сумерокъ; когда мы стали замѣчать, что въ концѣ улицы двигаются какіе-то огоньки. Кто говорилъ, что это такъ, ничего, что это мирные жители разгуливаютъ съ фонарями; другіе говорили, что это остатки сгорѣвшей тріумфальной арки, на которой мѣстами вспыхивали огни и погасали. Но другіе увѣряли, что это толпа ихтуанцевъ, взявшихъ свѣчи по обыкновенію и совершавшихъ свои заклинанія, чтобы бросится потомъ на насъ и поджечь. Приказано на казачьемъ дворѣ и напротивъ черезъ улицу во дворѣ русскаго банка снимать рогожные навѣсы.

Хотя у насъ по улицѣ стояли передовые пикеты изъ американцевъ, однако, мы не получали извѣстій о томъ, что дѣлается въ концѣ улицы и потому съиграли тревогу, собрали матросовъ на казачьемъ дворѣ съ намѣреніемъ вывести ихъ на встрѣчу ихотуанцамъ. Но это была напрасная тревога; только на слѣдующій день въ три часа дня пришлось нашимъ матросамъ дать залпъ по толпѣ, которая будто нечаянно приближалась къ намъ безъ оружія и обмахиваясь одними вѣерами, волновалась и сновала поперекъ улицы закрывая отъ насъ то, что дѣлалось въ концѣ ея, а тамъ, говорятъ, шли регулярныя китайскія войска и конница генерала Ламфусьяна, всѣ вооруженные европейскими винтовками лучшихъ системъ. Когда сдѣлалось яснымъ, что толпа приближается къ посольству, съ нашей баррикады былъ данъ залпъ изъ ружей, обратившій толпу въ безпорядочное бѣгство. Съ этихъ поръ невооруженныхъ нападеній не было, зато охотники изъ китайцевъ и солдаты Ламфусьяна засѣли въ окрестностныхъ домахъ и безпрерывно стрѣляли вдоль улицы, и по крышамъ посольствъ.

Безъ привычки отдѣльные ружейные выстрѣлы казались залпами и визгъ пуль заставлялъ пригинаться ниже. Наши посты на крышахъ пришлось убрать послѣ того, какъ убитъ былъ шальной пулей матросикъ на крышѣ въ 11 часовъ ночи. Этотъ первый герой обороны, его звали Георгіемъ, былъ торжественно погребенъ от. архимандритомъ въ присутствіи русскаго посланника и съ хоромъ изъ любителей, при большомъ стеченіи народа.

Въ этотъ день, 4-го іюня, мы получили свѣдѣнія о второмъ дессантѣ, мечтавшемъ исправить полотно желѣзной дороги. Китайцы передавали, будто онъ уже былъ на половинѣ пути, будто получено было два письма отъ командующихъ саперным дессантомъ, исправлявшемъ дорогу. Глухо доносилось и о двухтысячномъ отрядѣ; что онъ идетъ «подъ охраной» китайскихъ войскъ, которыя будто оберегаютъ его отъ нападенія боксеровъ. Мы въ то время не разбирали особенно, чтобы такое значили эти слухи; для насъ достаточно было сознанія, что отряды наши «идутъ» и скоро освободятъ насъ изъ осады и благополучно доставятъ до Тяньзина или обезопасятъ въ Пекинѣ до прихода военныхъ силъ. Этого уже достаточно было, чтобы воспрянуть духомъ. И мы воспрянули. А воспрянувши, стали разсуждать о случившемся, о прошломъ и дѣлать предположенія о будущемъ. Мы мыслили, прибли-

зительно, такъ: если Пейтахо уцѣлѣло, то мы поскорѣе постараемся перебраться туда и тамъ, подъ защитою нашихъ броненосцевъ, хладнокровно составимъ смѣту, съ переложеніемъ на доллары, всѣхъ нашихъ будущихъ расходовъ по возстановленію утраченнаго миссіей, а теперь, по иниціативѣ г. посланника, мы въ общихъ чертахъ должны намѣтить размѣры нашихъ убытковъ. Уже раньше намъ сообщено, что за Дуньдинаньское подворье посольство считаетъ долгъ за китайскимъ правительствомъ не болѣе не менѣе какъ 50 тысячъ рублей! Громкая фраза; но кто будетъ платить эти долги, и чѣмъ платить, да и кто ихъ будетъ требовать? Однако мечты такъ сладки. Мы не продешевимъ своей Бэй-гуани (сѣвернаго подворья) и сразу ставимъ за нее милліонъ рублей! да еще накинемъ четыреста тысячъ. Иначе никакъ нельзя! Нужно припомнить сколько лѣтъ миссія существуетъ, сколько лѣтъ Св. Синодъ высылалъ на содержаніе ея по 18 тысячъ руб. Наконецъ, если стать считать все сгорѣвшее, а главное, что будетъ стоить постройка всего этого вновь, то такъ оно и выйдетъ, нашъ счетъ вѣренъ. Затѣмъ относительно земли, гдѣ устраивать миссійское подворье. Если, какъ слышно, Пекинъ будетъ разрушенъ европейцами и столица Китая перейдетъ въ другой городъ, то посольство перейдетъ туда же и такимъ образомъ земля подъ посольской усадьбой перейдетъ опять въ пользованіе миссіи, какъ это было раньше до посланника Игнатьева 1860-хъ годовъ. Да, это мѣсто, какъ находящееся въ болѣе оживленной части Пекина, представляетъ для миссіи наилучшій центръ; на сѣверномъ же нашемъ участкѣ можно устроить нѣчто вродѣ скита или погоста и бывать тамъ только наѣздомъ. Впрочемъ, если бы намъ приглянулось и другое мѣстечко въ стѣнахъ Пекина, то есть, въ самомъ дѣлѣ, законное основаніе получить его отъ китайскаго правительства въ придачу къ милліону и четыремъ стамъ тысячамъ рублей. Хотя мы не имѣемъ теперь точнаго свѣдѣнія о нашихъ христіанахъ, но думаемъ, что и послѣ погрома ихъ еще останется довольно и всѣ они пожелаютъ перейти на жительство поближе къ миссіи, все равно они и до сихъ поръ жили въ нанятыхъ квартирахъ. Выселять же ихъ изъ Пекина, кажется, было бы несправедливо: нашъ долгъ жить для нихъ, на ихъ родинѣ. И хотя теперь мало кто изъ нихъ явился раздѣлить съ нами участь осады, но мы слышали, какъ много они пострадали отъ мятежниковъ

за свое христіанское званіе или за общеніе съ европейцами; мы слышали какъ ихъ всюду отыскиваютъ и убиваютъ; какъ обвинили въ томъ, что они сами себя, будто бы, подожгли и казнили цѣлыхъ 12 семействъ, намѣревавшихся выѣхать изъ города. Все это мы слышали и намѣревались за все это получить съ китайцевъ деньгами. А труды нашихъ предшественниковъ? Вѣдь кромѣ церкви, къ которой мы такъ привязались, служа ежедневно, сгорѣла еще библіотека, состоящая изъ учебныхъ китайскихъ книгъ, на тибетскомъ, манжурскомъ и китайскомъ языкахъ, святоотеческихъ сочиненій и массы всевозможныхъ словарей. Часть книгъ оставалась еще отъ погрома католическихъ миссій, когда они искали защиты на нашемъ сѣверномъ подворьѣ. Часть астрономической библіотеки ученаго академика Фритча, который жилъ болѣе десяти лѣтъ въ Пекинѣ и оставилъ полный шкафъ астрономическихъ и метеорологическихъ приборовъ. Въ типографіи мы лишились небольшого станка печатнаго и на 2 тысячи рублей русскаго шрифта, до 30 тысячъ китайскихъ знаковъ рѣзанныхъ на деревѣ и деревянныхъ досокъ съ вырѣзаннымъ на нихъ текстомъ, богослужебныхъ книгъ и китайскихъ учебниковъ, изданныхъ преосв. Флавіаномъ. Въ складѣ лишились всѣхъ миссійскихъ изданій на китайскомъ языкѣ и оставшихся 300 экземпляровъ словаря от. Исаіи. Въ кабинетѣ от. архимандрита цѣнные кресты и медали, жалованные миссіи въ разное время русскими государями; архивъ миссіи со времени отдѣленія ея отъ дипломатической миссіи, — акты подготовлявшіеся къ печати, но не успѣвшіе выдти въ свѣтъ. Неизданные труды въ рукописяхъ по филологіи ар. Палладія и іером. Исаіи: 1) краткій китайско-русскій словарь для китайцевъ, 2) богословская терминологія, принятая въ китайскомъ текстѣ священныхъ книгъ, 3) китайскій переводъ канона Андрея Критскаго (неизданный) 4) собственноручныя замѣтки при переводѣ псалтири на китайскій языкъ, 5) русскій текстъ толковаго евангелія пр. Флавіана, 6) черновики большаго словаря ар. Палладія съ поправками его рукой и множество другихъ цѣнныхъ автографовъ. Въ іеромонашескихъ квартирахъ сгорѣли инструменты и приспособленія для типографіи и переплетной; многія сотни образовъ, недавно полученныхъ изъ Москвы отъ фабрики Жако, и масса такихъ вещицъ и книгъ, которыя дороги были мнѣ по воспоминаніямъ и стоили большаго труда

при доставкѣ ихъ изъ Россіи чрезъ Монголію. Воспоминая о нихъ я думаю такъ: теперь я ни за что не разстанусь съ Пекиномъ, съ китайцами: они задолжали мнѣ; теперь я ужъ не могу сказать, что не имѣлъ съ ними соприкосновенія. Иначе, кто же отнялъ у меня все мое духовно-эстетическое имущество? Я этотъ долгъ обязанъ получить съ нихъ человѣческими ихъ душами, если Богу будетъ то угодно. Еще что сгорѣло? Помѣщеніе мужской школы, дворикъ стипендіантовъ Паргачевскаго, садъ, дворъ женскаго училища, богодѣльня, только что выстроенная, четыре или пять домовъ христіанъ, жившихъ вблизи миссіи. Сгорѣло ли дѣло миссіи, понимая горѣнье въ апостольскомъ смыслѣ, какъ апостолъ сказалъ о матеріалахъ, изъ которыхъ велась постройка. Это сказать трудно. Наша миссія строилась изъ русскаго серебра, и, по всѣмъ соображеніямъ сгорѣть не должна бы, а развѣ обновиться,—очиститься черезъ огонь. Но покуда озлобленіе китайцевъ-язычниковъ такъ велико, что намъ придется оставить Пекинъ, можетъ быть, на цѣлый годъ или на два и поселиться гдѣ-нибудь подъ прикрытіемъ европейскихъ судовъ, примѣрно хоть въ Шанхаѣ, куда мы рвемся душой, чтобъ отдохнуть въ европейскомъ обществѣ. Съ китайцами мы хотя и дружны, но общихъ духовныхъ интересовъ (пока) не имѣемъ, а потому изнываемъ отъ душевнаго голода; но въ Шанхаѣ не то...

Въ такихъ элегическихъ мысляхъ насъ застало 5-ое іюня, число достопримѣчательное. Во-первыхъ, въ этотъ день пошелъ первый (въ это лѣто) дождь, сильнѣйшій ливень, могшій испортить дорогу нашимъ отрядамъ, если бы оные находились въ пути. Во-вторыхъ, китайскіе министры пожаловали въ посольства со вторымъ визитомъ. Они получили вѣрныя свѣдѣнія, что оба наши отряда имѣли столкновенія съ китайскими войсками въ 35 разъ превосходящими ихъ численностью и должны были отступить обратно къ Тяньзину. Поэтому министры сочли нужнымъ притвориться сиротами казанскими, опять просить объ отозваніи отрядовъ; передавали поклонъ отъ царицы-регентши, что она очень озабочена положеніемъ дамъ и дѣтей въ осадѣ. А черезъ часъ прислано предложеніе отъ тѣхъ же министровъ, чтобы всѣ въ 24 часа собрались и уходили въ Тяньзинъ, такъ какъ французскій адмиралъ объявилъ войну Китаю и взялъ уже на морѣ двѣ китайскихъ крѣпости, и что, если мы теперь

же не оставимъ Пекина, то будемъ считаться воспно-плѣнными и китайское правительство долѣе не можетъ ручаться за нашу цѣлость. Въ-третьихъ, нѣмецкій посланникъ, поѣхавшій отдать визитъ китайскимъ министрамъ въ сопровожденіи одного китайца конюха, былъ убитъ изъ-за угла какимъ-то досужимъ застрѣльщикомъ. Настроеніе наше быстро измѣнилось къ худшему. Начались частыя совѣщанія посланниковъ, всѣ готовились въ походъ. Была послана нота съ просьбой перемѣнить срокъ на 48 часовъ, по истеченіи которыхъ мы остались на мѣстѣ попрежнему, только стрѣльба опять началась и усилилась пуще прежняго. Правда раненыхъ не было у насъ, но визгъ и трескъ разрывныхъ пуль надъ головою производилъ удручающее впечатлѣніе. Слѣдующую ночь мы провели въ церкви, убирая болѣе цѣнныя вещи, чтобы на утро зарыть ихъ въ землю, такъ какъ съ собой мы могли унести немногое, разсчитывая, что для насъ телѣгъ не найдется, а придется идти пѣшкомъ. Вещи мы зарыли въ церкви, въ алтарѣ, свое кое-что рѣшили все оставить и идти на волю Божію. Но, видимо, наши дипломаты рѣшили проволакивать время и отлагать срокъ выступленія, а затѣмъ и вовсе оставили эту мысль. Въ это время сожжено было голландское посольство, ни кѣмъ не охраняемое и китайскіе стрѣлки стали близко подходить уже къ русскому банку и со стѣны (городской) ранили одного банковскаго студента. Это было 9 числа и тотчасъ рѣшено изъ всѣхъ посольствъ имущество и семейства (даже и дѣтей) перевести рядомъ, — въ англійское посольство. Этотъ переходъ представлялъ оживленную картину. Подъемъ духа былъ сильный; къ вечеру ожидали рѣшительной атаки боксеровъ, всѣ были вооружены и высматривали воинственно, намѣреваясь дорого заплатить непріятелю за свою смерть.

Англійское посольство пріютившее насъ, представляло обширные дворы, обсаженные аллеями, съ площадями и просторными помѣщеніями, такъ что въ нихъ размѣстились всѣ европейцы и нашлось еще мѣсто для китайцевъ-христіанъ на дворѣ подъ огромнымъ навѣсомъ. Раньше этотъ дворъ принадлежалъ какой-то кумирнѣ, такъ что планъ сохранился, какъ и двѣ огромныя фигуры каменныхъ собакъ, стоящія у главнаго входа въ квартиру посланника, сера Макдональда. Англичане умѣютъ создавать себѣ роскошную обстановку и благодаря этому каждая нація здѣсь получила отдѣльный корпусъ, гдѣ могла

расположиться какъ дома. Впослѣдствіи объявленное счисленіе людей показало, что европейцевъ собралось въ англійскомъ посольствѣ: мужчинъ служащихъ и волонтеровъ 191, женщинъ 147, дѣтей 76, солдатъ 73 чел.; китайцевъ: мужчинъ 180, женщинъ 107 и дѣтей 69; да въ лазаретѣ впослѣдствіи лежало 40 челов. раненыхъ, итого 883 человѣка.

При такой массѣ людей англійское посольство представляло такой муравейникъ, гдѣ, какъ только каждый нашелъ себѣ уголокъ, всѣ занялись дѣломъ; заготовленіемъ воды изъ 8 колодцевъ; изготовленіемъ мѣшковъ съ землею для устройства баррикадъ по крышамъ и по стѣнѣ. Жизнь шла очень дѣятельно; передовые люди сами показывали примѣръ, не гнушаясь черной работой. Чрезъ нѣсколько дней посольство уже представляло солидное укрѣпленіе, разсчитанное на всѣ военныя случайности; только чувствовался недостатокъ въ вооруженныхъ людяхъ, такъ какъ линія окружающей стѣны была слишкомъ растянута; а военные дессанты: русскій, французскій, американскій, нѣмецкій и японскій оберегали свои посольства, держали часть городской стѣны и караулы въ т. п. паркѣ Су-Фу. Этотъ лѣсной паркъ какого-то князя Су еще въ началѣ осады былъ на половину взятъ японцами, которые храбро отстаивали его во все время осады. Тамъ было поселено до $1^1/_2$ тысячи китайцевъ-католиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были вооружены европейскими винтовками.

Затѣмъ чувствовался громадный недостатокъ въ орудіяхъ. По справедливости нужно сказать, что на сторонѣ китайцевъ было превосходство оружія, такъ какъ у насъ не было ни одной пушки въ современномъ значеніи этого слова. А вышло это такъ. Въ Тяньзинъ при погрузкѣ русскаго дессанта на поѣздъ, приказано было прежде уложить аммуницію, а когда она была сложена въ вагоны и матросы намѣревались грузить трехъ-дюймовую пушку, пришло время поѣзду тронуться въ путь; звонковъ и свистковъ здѣсь не полагается, такъ пушка и осталась. Съ слѣдующимъ поѣздомъ, который былъ послѣднимъ, русскіе хотѣли переслать пять небольшихъ пушекъ, но англичане не допустили ни одной, такъ какъ съ ихъ дессантомъ не было прислано артиллеріи. Наши прислали лишь ящики съ патронами, но по непостижимой, русской небрежности прислали не ружейныхъ патроновъ, а пушечныхъ снарядовъ. Такъ что у насъ получились ружья безъ патроновъ и снаряды безъ пушекъ. Правда, у итальянцевъ была полутора-

дюймовая пушка, но она имѣла всего 8 снарядовъ своего калибра, а другіе естественно, не подходили къ діаметру: наши были трехъ-дюймоваго калибра. Французы свою пушку отправили въ Бейтанъ, гдѣ она и пребывала во все время осады. Митральезы, американская одноствольная и англійская пятиствольная, стрѣляли ружейными пулями, а потому ихъ нельзя причислять къ артиллеріи. Между тѣмъ какъ у китайцевъ были настоящія крупповскія пушки съ разрывными снарядами самаго послѣдняго образца.

Когда мы перешли въ англійское посольство, время было очень тревожное. Ежечасно загоралось то тамъ, то сямъ вокругъ нашей и англійской миссій и такъ какъ вѣтра были большіе, то опасность была ужасная. Особенно было два пожара близь англійской миссіи: у конюшеннаго двора и въ китайской академіи наукъ. Въ первомъ мѣстѣ стѣна посольства была не велика и къ ней прилегали мелкія китайскія постройки, изъ которыхъ нѣкоторыя были подъ одну крышу съ англійской конюшней. Поджогъ былъ сдѣланъ въ сильную бурю, а тушить было неудобно внѣ своего двора, при томъ китайцы, засѣвши въ окружающихъ домахъ, изъ оконъ и съ крышъ стрѣляли по намъ, не давая тушить пожаръ. Здѣсь было ранено нѣсколько англійскихъ солдатъ. Распорядительность англичанъ, привлекшихъ своихъ китайцевъ къ тушенію пожара, достаточное количество воды, и два пожарные насоса много способствовали къ замедленію пожара, однако пламя перебросило во дворъ; крыша конюшни вспыхнула, тутъ только вспомнили, что рядомъ въ томъ же зданіи находится керосиновый складъ, гдѣ хранилось до 25 ящиковъ керосина. Когда стали таскать керосинъ и выносить его на средину двора зарывая въ землю, тогда мы поняли, что китайцамъ врагамъ извѣстно было, и они знали гдѣ зажечь, но Богъ спасъ насъ ради невинныхъ младенцевъ. Во дворѣ пожаръ былъ потушенъ скоро.

Въ другомъ мѣстѣ, съ сѣверной стороны, гдѣ примыкаетъ къ англійской миссіи китайская академія наукъ пожары начались какъ только подулъ сѣверный вѣтеръ. Къ этой академіи принадлежатъ нѣсколько дворовъ, огражденныхъ стѣнами и имѣющихъ массу скученныхъ построекъ, бесѣдокъ, павильоновъ, монументовъ, искусственныхъ скалъ, гротовъ и проч. Среди всего этого высятся крупныя зданія: типографія, книгохранилище, залъ присутствія и другія. Все это осѣняется вѣковыми деревьями

ивъ и тополей. Въ общемъ все это представляетъ такую трущобу или заброшенный паркъ, что и въ мирное время трудно было бы разобраться вокругъ. Вотъ тутъ-то раннимъ утромъ былъ пущенъ первый пожаръ и тъ тоже время открыта безпрерывная стрѣльба изъ засады китайскими солдатами. Говорятъ, что для поджога китайцы брали книги изъ библіотеки, сгладывали ихъ кучами на дворахъ и зажигали. Послѣ находили здѣсь обгорѣвшими весьма цѣнныя, по мнѣнію знатоковъ, рукописи. Чтобы бороться съ огнемъ въ такомъ мѣстѣ, надо было идти по прямому направленію, ломая стѣны, спиливая деревья, разрушая зданія. Это стоило нѣсколькихъ дней безпрестанной спѣшной работы, и хотя пожары были захвачены и потушены во время, но это мѣсто до конца осады оставалось опаснымъ и требовало усиленнаго караула.

Ночное подкрѣпленіе давали русскіе, студенты банка подъ руководствомъ одного изъ директоровъ Д. М. Позднѣева, который самъ становился наряду съ солдатами. Послѣ академическихъ пожаровъ не оставалось уже болѣе опасныхъ, отъ огня, мѣстъ; такъ какъ всѣ, прилегающія къ посольской стѣнѣ, китайскія постройки были нами разрушены. И хотя пожары въ окрестностяхъ миссій еще продолжались, но опасности отъ нихъ уже не было для англійской миссіи. Постепенно наша защита опредѣлилась въ извѣстномъ пространствѣ оставшихся посольствъ; границы установились или сами собой или вслѣдствіе дѣятельной охраны европейцевъ; требовалось только укрѣпиться изнутри, чтобъ удержать за собой пространство, жилища и необходимое для жизни. Хотя со дня на день ожидалось избавленіе, но работа тѣмъ не менѣе шла оживленная. По крышамъ и вдоль стѣнъ мы устраивали баррикады изъ кирпича и мѣшковъ, набитыхъ землей. Съ утра до ночи тамъ и сямъ по подворью можно было видѣть группы китайцевъ-христіанъ и европейцевъ набивающихъ землей эти мѣшки. На первое время мѣшки шили изъ европейскихъ матерій, занавѣсей (иногда атласныхъ и бархатныхъ), простынь, мебельной обшивки. Когда все это вышло, стали доставать китайскія цвѣтныя ткани, самыхъ яркихъ цвѣтовъ; такъ что баррикады наши издали походили на букеты цвѣтовъ. Каждый постъ часоваго, надо было выкладывать изъ мѣшковъ въ видѣ башни съ четырехъ или, по крайней мѣрѣ, съ трехъ сторонъ защищающей постъ, потому что стрѣльба была постоянная и въ одно время со всѣхъ сторонъ. Эти высокіе пункты были

чрезвычайно опасны и давали большой процентъ раненыхъ; а не держать этихъ постовъ нельзя было, потому что всегда ожидали атаки боксеровъ или поджоговъ посредствомъ ракетъ. По этой же причинѣ, учрежденъ былъ почной дозоръ изъ русскихъ волонтеровъ; въ томъ числѣ участвовалъ и отецъ дьяконъ В. П. Скрижалинъ. Двухчасовая смѣна изъ двухъ человѣкъ обходила стѣну и дворы, окликала часовыхъ и вообще служила связью для отдѣльныхъ постовъ, расположенныхъ вдоль стѣны посольства.

Постройка укрѣпленій и защита болѣе слабыхъ мѣстъ нашего укрѣпленія стоила не мало человѣческихъ жертвъ. Болѣе всего вышло изъ строя японцевъ и нѣмцевъ. Въ то же время были ранены четверо русскихъ матросовъ. И такъ какъ въ нашей русской миссіи не было устроено лазаретной обстановки и не имѣлось оперативныхъ приспособленій, то тяжело раненыхъ доставляли въ англійскую миссію, гдѣ былъ прекрасно устроенный лазаретъ и два дѣятельныхъ доктора и куда доставлялись раненые и изо всѣхъ другихъ посольствъ. Среди нашихъ раненыхъ былъ одинъ матросъ, имѣвшій пять ранъ (отверствій) въ полости груди ближе къ правому боку; задѣто было легкое и потеря крови была большая. Казалось не было никакой надежды на выздоровленіе его. Помѣщаясь въ камерѣ тяжело раненыхъ, онъ былъ розобщенъ съ своими товарищами и не могъ пользоваться ихъ помощію.

Среди же лазаретнаго персонала не находилось ни одного человѣка, который бы зналъ хоть одно слово по-русски. Кромѣ двухъ врачей, было два фельдшера, одинъ изъ нихъ англичанинъ, другой итальянецъ. Было двѣ сестры милосердія одна англичанка а другая монахиня какого-то католическаго ордена. Остальныя дежурныя дамы, на первое время, были американскія миссіонерки. Когда я въ первый разъ пришелъ къ этому раненому для того, чтобы пріобщить его Святыхъ Таинъ, онъ жаловался, что его никто не понимаетъ и что онъ поэтому терпитъ большую нужду особенно ночью. Привлечь кого-либо изъ русскихъ мужчинъ къ обязанностямъ сидѣлки было невозможно, такъ всѣ были заняты, дамы же русскія, безъ привычки на первое время, были такъ испуганы видомъ раненыхъ, ихъ стонами и вообще всей лазаретной обстановкой, что рѣшительно отказались отъ посѣщенія лазарета; хотя впослѣдствіи, присмотрѣвшись къ военнымъ эпизодамъ нѣкоторыя русскія дамы испол-

няли аккуратно дежурства въ камерѣ, гдѣ лежало 5—6 раненыхъ русскихъ матросовъ. Къ тому же тяжело раненый, фамилія его—Ледновъ, зовутъ Александромъ, былъ совершенно деревенскій мужичекъ, терпѣливый, молчаливый и до крайности стѣснительный. Такъ онъ наотрѣзъ отказался принимать пищу изъ рукъ сестеръ милосердія; о смѣнѣ бѣлья и другихъ нуждахъ и говорить было нечего; такъ что положеніе его на первыхъ же порахъ, когда онъ не могъ самъ двинуться въ постели, сдѣлалось критическимъ. Мнѣ хотѣлось посѣщать его, но я зналъ, что это не нравится англичанкамъ и онѣ уже заявляли претензіи, чтобъ не допускать ни французовъ, ни насъ. И только послѣ личнаго ходатайства русской посланницы мнѣ позволили во всякое время входить въ лазаретъ и оставаться тамъ по мѣрѣ надобности. Такъ какъ другіе матросы были сравнительно легко ранены и лежали всѣ вмѣстѣ въ одной камерѣ, служа одинъ другому, то мнѣ приходилось сидѣть только у одной кровати Леднова; за то, на первое время, по нѣсколько часовъ сряду, потому что стояли жаркіе дни и надо было все время обмахивать его вѣеромъ, покуда раненый страдалецъ не засыпалъ, при чемъ можно было покрыть его кисейнымъ пологомъ и такъ оставить въ безопасности отъ массы мухъ, ютившихся въ лазаретныхъ камерахъ, и привлеченныхъ туда запахомъ свѣжей крови.

Вообще мухи во время сидѣнья представляли значительную, враждебную намъ, силу, не давая людямъ возможности дневнаго отдыха и спокойнаго принятія пищи. Количество ихъ было несмѣтно; вѣроятно, вслѣдствіе того, что вокругъ китайскіе кварталы были раззорены, выжжены китайцами; населеніе бѣжало и оставило намъ этихъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ, которыя всѣ и размѣстились въ нашихъ помѣщеніяхъ, по ночамъ сплошъ покрывая стѣны и потолки комнатъ. Господу угодно было сохранить жизнь страдальца Леднова и послать ему постепенное выздоровленіе, а мнѣ черезъ него—доступъ въ лазаретъ во все время «сидѣнія», гдѣ я познакомился съ англійскимъ священникомъ, молодымъ человѣкомъ съ манерами и костюмомъ русскаго семинариста, и былъ посредникомъ между нашими ранеными и медицинскимъ персоналомъ лазарета; хотя незнаніе европейскихъ языковъ сильно смущало меня и мнѣ оставалось говорить только по-китайски съ тѣми сестрами, которыя принадлежатъ

къ американской миссіи и въ совершенствѣ знаютъ китайскій языкъ. Посѣщая англійскій лазаретъ, я былъ свидѣтелемъ того, какъ успѣшно медицина и хорошій уходъ помогали выздоровленію раненыхъ. Многіе изъ нихъ черезъ нѣсколько дней выписывались изъ лазарета и опять становились въ ряды защитниковъ посольства, давая въ лазаретѣ мѣсто другимъ героямъ. Такъ что всегда въ лазаретѣ было около 40 человѣкъ раненыхъ.

Съ 10-го на 11-ое число іюня было назначено избіеніе христіанъ боксерами. Мы уже впослѣдствіи узнали объ этомъ, а также и подробности избіенія нашихъ христіанъ. Раньше было сказано, что въ ночь сожженія сѣвернаго подворья нашихъ христіанъ было убито 29 человѣкъ, остальные имѣли возможность бѣжать и нѣкоторые убѣжали даже за городъ. Затѣмъ въ скоромъ времени воротились въ дома, не имѣя возможности ни скрыться, ни пріютиться, ни питаться внѣ Пекина. Въ Китаѣ гласность не даетъ никому возможности скрываться. Въ назначенную ночь съ вечера боксерскія партіи, предводительствуемыя жрецами разныхъ языческихъ религій обходили дома горожанъ, вызывали обывателей изъ домовъ, заставляли ихъ поклоняться жрецамъ и дѣлать предъ ними кажденія ладономъ по принятымъ обычаямъ. При этомъ толпа и сосѣди указывали на завѣдомыхъ христіанъ и ихъ казнили не смотря на то, объявляли ли они себя приверженными христіанству или язычеству. Были случаи когда христіанамъ удавалось скрывать свое исповѣданіе и сношеніе съ европейцами посредствомъ выполненія всѣхъ требованій боксерской толпы. Но въ большинствѣ случаевъ христіанамъ отрубали головы и бросали въ огонь, когда ихъ дома были сожигаемы. Женщинъ и дѣтей убивали въ домахъ; впрочемъ дѣти нерѣдко умирали отъ страха не дождавшись, когда имъ разрѣжутъ животъ, какъ это дѣлали съ грудными младенцами, или бросятъ на полъ. Нѣкоторымъ отрѣзали уши, носъ, пальцы на рукахъ. Такъ были отрѣзаны по локоть руки у 9-ти лѣтней дѣвочки, дочери регента и эконома миссіи, Иннокентія Фань. Самъ онъ, выбѣжавъ изъ дому, когда его подожгли боксеры, разбилъ себѣ лицо о столбъ или стѣну на дворѣ; и, какъ говорятъ, хотѣлъ броситься въ колодезь, такъ какъ шрамы на лицѣ не давали ему возможности скрыться. Его видѣли съ этой изуродованной дѣвочкой у колодца, когда жена его и

другая дочь были убиты, а одного сына лѣтъ 14 солдаты взяли къ себѣ, другой же бѣжалъ и до сихъ поръ еще не явился.

По другимъ извѣстіямъ, его тоже казнили боксеры и бросили въ колодезь. Бѣднякъ не зналъ, что не за-долго предъ тѣмъ 15-го мая Св. Синодъ утвердилъ его представленіе въ санъ діакона. Онъ былъ набожный и прямодушный китаецъ (въ сравненіи съ другими) и, говорятъ, передъ смертію молился. О другомъ кандидатѣ, тогда же утвержденномъ въ санъ священника, разсказываютъ, что онъ въ день перваго разгрома бѣжалъ къ иностраннымъ посольствамъ, желая найти насъ, но не могъ пройти чрезъ китайское оцѣпленіе и такъ не вернулся. Можетъ быть онъ нашелъ знакомыхъ американскихъ или католическихъ христіанъ, такъ какъ имѣлъ знакомства съ китайцами другихъ исповѣданій, будучи въ должности катехизатора и учителя въ нашей школы. По другимъ извѣстіямъ онъ вернулся домой и въ ночь избіенія (подъ 11-ое іюня) былъ дома. И когда взяли его боксеры и стали опрашивать, онъ колебался; но потомъ когда вывели за дворъ онъ открыто исповѣдовалъ себя христіаниномъ и послѣ молитвы къ Богу былъ обезглавленъ. Очевидцы, изъ христіанъ, не могли стоять близко къ мѣсту его казни и не могли разсмотрѣть его лица, — дѣйствительно ли это былъ катехизаторъ Павелъ Ванъ? Въ тоже время было массовое избіеніе христіанъ такимъ образомъ.

Когда нѣсколько извѣстныхъ семействъ, въ томъ числѣ печатникъ и наборщикъ типографіи, и нѣсколько старушекъ и дѣтей, выйдя изъ своихъ дворовъ, пошли вмѣстѣ по-надъ городской стѣной на западъ, то солдаты гвардейскихъ полковъ военнаго министра Чжунъ-Лу воротили ихъ обратно. Когда они пошли отъ угла стѣны на югъ, ихъ тоже воротили къ угловой башнѣ. И, такъ какъ больше некуда было идти—озеро, окружающее миссійское подворье заграждало имъ путь,—то они попадали на землю ницъ, по обычаю китайцевъ, просящихъ пощады, но были всѣ застрѣлены солдатами, стоящими на городской стѣнѣ и угловой башнѣ. Изъ отдѣльныхъ смертей еще очевидцы отмѣчаютъ смерть моего подмастерья, чертежника Іосифа Лу,—его задушили веревкой; и смерть Самсона Пань, слуги русскаго доктора. Отрубленную голову Самсона почему-то боксеры выставили на высокомъ шестѣ и долго показывали. Трудно сказать, сколько собственно убито

было нашихъ христіанъ въ эту ночь. Несомнѣнно, что многіе изъ нихъ бѣжали и еще не вернулись, найдутся, можетъ быть, такіе, которые и не вернутся, но едва ли ихъ будетъ много. Если же принять во вниманіе, что теперь вернулось къ намъ около ста человѣкъ, да столько же еще вернется, а всѣхъ было до 500 человѣкъ, то всѣхъ убито съ прежде убитыми около трехъ сотъ человѣкъ. Какъ раньше было сказано, боксеры дѣйствовали страхомъ и знали, какъ устрашать и какъ подѣйствовать на духъ христіанъ, чтобы потрясти его до послѣдней степени. Этимъ объясняется, почему церковь была сожжена послѣ всѣхъ миссійскихъ построекъ. Христіане, слѣдившіе издали за ходомъ разоренія подворья, какъ будто, не могли допустить, что, столь долго почитаемый, храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы могъ быть разрушенъ боксерами или сгорѣть отъ огня. Когда же увидѣли, что Господь попустилъ это, то ужаснулись и остолбенѣли отъ страха, видя въ томъ кару Божію за грѣхи; а когда боксеры взобрались на колокольню и стали палками бить по колоколамъ производя, какъ они говорятъ, безсмысленный звонъ, то вся эта братія православнаго храма, привыкшая ежедневно слышать благовѣстъ къ церковной службѣ, заплакала горькими слезами. Всѣ эти сомнительные христіане, которыхъ мы считали индиферентными къ религіи и церкви, теперь рыдали какъ дѣти; навзрыдъ плакали о гибели храма Божія. Когда колокольня обгорѣла настолько, что упалъ главный колоколъ, а за нимъ и другія колокола, звукъ отъ этого паденія болью отозвался въ сердцѣ каждаго христіанина и всѣ, въ одинъ голосъ, утверждаютъ, что это случилось въ 2 часа ночи.

Какъ же теперь судить тѣхъ христіанъ, которые послѣ,— черезъ десять дней, явились отступниками христіанства исполнивъ всѣ требуемые знаки языческаго почитанія ихтуанскихъ предводителей, воскуряли предъ ними фиміамъ, кланялись и проч.? Они пришли теперь къ намъ, сознаютъ свою вину, просятъ принять ихъ, назначить эпитемію... О нихъ уже послано въ Св. Синодъ отъ отца архимандрита извѣщеніе съ раздѣленіемъ ихъ на три разряда по виновности и вопросомъ, какъ съ ними поступить, какъ принять ихъ въ церковь. Въ самомъ дѣлѣ,— если бы они явились исповѣдниками христіанства, то ихъ не осталось бы ни одного. Да и теперь они нравственно угнетены и ожидаютъ неминуемой смерти

въ случаѣ, если духовная миссія будетъ переведена изъ Пекина и они останутся безъ покровительства въ языческомъ городѣ.

Обращаюсь опять къ тому, что было въ англійскомъ посольствѣ. Безпрерывная пальба изъ ружей днемъ и ночью, постоянное напряженіе въ ожиданіи тревоги или пожара, постоянный трудъ при сооруженіяхъ баррикадъ, все это сильно утомляло всѣхъ и начинало порядочно таки надоѣдать. Поэтому обрадовались, когда разнесся слухъ о перемиріи и выстрѣлы сдѣлались рѣже. Говорятъ, что въ это время на какомъ-то мосту канала былъ выставленъ китайцами бѣлый флагъ съ китайской надписью, которая значила: «по высочайшему повелѣнію охранять посольства». Кто поставилъ этотъ флагъ и серьезную ли охрану онъ обѣщалъ намъ, объ этомъ ничего не могли сказать достовѣрнаго.

Носился только слухъ, что мы, европейцы, составляемъ яблоко раздора между китайскими военоначальниками и, что расположенный къ востоку отъ насъ князь Цинъ извѣстенъ какъ сторонникъ европейцевъ и, что онъ ведетъ войну съ двумя другими полководцами, Чжунъ-Лу и Ламфусьяномъ, войска которыхъ занимали съ востока городскую стѣну и китайскіе кварталы, а съ сѣвера стѣну императорскаго города. Мы ожидали уже, что начнутся переговоры и прекратится атака посольствъ, и приписывали все, будто бы приближающимся, европейскимъ войскамъ. Получались (черезъ китайцевъ) и различные слухи о близости войскъ, но они были такъ сбивчивы и лживы... Не долго намъ пришлось наслаждаться сравнительной тишиной и спокойствіемъ; вскорѣ мы узнали, что у китайцевъ, осаждающихъ насъ, были не только хорошія европейскія ружья, но и новѣйшія круповскія пушки. На утро другаго дня началась артиллерійская стрѣльба, мы стали прислушиваться къ полету гранатъ, различая по звуку ихъ отъ картечей. Съ этого времени и до самаго прихода нашихъ войскъ не прекращалась стрѣльба изъ пушекъ. Разнообразилось только количество орудій и время, когда больше стрѣляли. Съ начала начинали съ утра и черезъ правильные промежутки времени выпускали снаряды и картечь до 11 часовъ; затѣмъ слѣдовалъ интервалъ до 3 или 4 часовъ дня, когда снова пальба усиливалась и къ 6 часамъ вчера достигала наибольшаго развитія, а затѣмъ ослабѣвала и съ заходомъ солнца прекращалась. Такъ дѣй-

ствовали двѣ, три пушки съ одной стороны; на другой день тоже повторялось съ другой стороны; иногда въ одно время съ двухъ или трехъ противоположныхъ сторонъ. Такъ что можно было подумать, что въ самомъ дѣлѣ стрѣляютъ не въ насъ; тѣмъ болѣе что губительнаго дѣйствія обнаруживалось мало, хотя гранаты часто разрывались надъ головой и осыпали дворы массой осколковъ какъ градомъ.

Больше страдали деревьями, ростущія во дворахъ миссій; съ людьми же не было случаевъ убійства или пораненія. Но шуму и страху было много, особенно, когда съ западной стороны была на возвышеніи поставлена пушка не въ далекомъ разстояніи и при оглушительныхъ выстрѣлахъ стала попадать гранатами во дворъ англійскаго посольства вблизи русскаго дома. Прицѣлъ взятъ былъ такъ вѣрно, что гранаты разрывались прямо противъ крыльца и осколками разбивало стекла въ окнахъ и была убита тутъ же лошадь. Эта лошадь осчастливилась быть первой съѣденой европейцами, такъ какъ къ этому времени бараны были уже всѣ съѣдены и приходилось питаться однимъ рисомъ, котораго тоже было мало. Съ тѣхъ поръ лошадиное и ослиное мясо не переставало фигурировать на нашемъ столѣ во все время сидѣнья. На каждый день едва хватало одной лошади. Продовольственный вопросъ замѣтно безпокоилъ и невольно интересовалъ всѣхъ.

Особенно же русскимъ приходилось испытывать опасеніе за будущее. Дѣло въ томъ, что передъ началомъ сидѣнья циркулировалъ слухъ, будто англичане заготовили у себя въ миссіи консервовъ и другихъ припасовъ фуража столько, что могло бы хватить на всѣхъ европейцевъ Пекина на два мѣсяца. Было извѣстно, что европейскіе магазины уступили съ этой цѣлью англичанамъ свой товаръ. Русскіе же, по свойственной небрежности, не заготовили ничего, думая, что осада продлится не болѣе недѣли и что англичане уже заготовили и для нихъ все необходимое. Но когда пришла нужда, голодъ, тогда оказались мы жертвой роковаго недоразумѣнія: запасъ былъ сдѣланъ, да не про насъ. И еслибъ не удалось русскому банку купить бочку краснаго вина во французской гостинницѣ, то у насъ навѣрное открылась бы большая смертность отъ желудочныхъ болѣзней, вслѣдствіе слишкомъ ужъ незатѣйливой пищи. Обѣдали мы одинъ рисъ, а ужинали супъ и тоже рисъ съ крохотнымъ кусочкомъ мяса и хлѣба въ приглядку. Хлѣбъ выдавался порціями только для дамъ и

дѣтей. Между тѣмъ хлопоты увеличивались, такъ какъ шпіоны изъ китайцевъ давали врагамъ точныя свѣдѣнія о дѣйствіи ихъ артиллеріи внутри подворья и въ теченіи дня китайцы могли взять довольно вѣрный прицѣлъ изъ дальнобойныхъ малыхъ орудій,—прицѣлъ всегда угрожавшій серьезной опасностью людямъ и постройкамъ; приходилось дѣлать вылазки съ цѣлью завладѣть безпокоившимъ насъ орудіемъ или по крайней мѣрѣ заставить его замолчать.

Орудія ни одного не удалось отбить, но большой уронъ людей въ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ окупался тѣмъ, что китайская артиллеріи сдѣлалась очень осторожной, часто перевозила свои орудія съ мѣста на мѣсто, теряла прицѣлъ, не могла вредить намъ и наконецъ перемѣнила время со дня на ночь. Но ночныя тревоги были еще утомительнѣе для людей чѣмъ дневныя, потому что производились китайцами въ разное время ночи и не давали покоя никому. Во время этихъ тревогъ ударяли въ колоколъ при англиканской церкви, всѣ носящіе оружіе должны были собираться у колокольни въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Въ это время, обыкновенно въ темную ночь воздухъ былъ наполненъ летящими пулями, шумъ и трескъ былъ невообразимый и раздавались оглушительныя пушечныя раскаты. Трудно было кому-либо улежать въ постели; всѣ вставали, одѣвались, ждали чего-то ужаснаго; затѣмъ, когда все стихало, опять ложились въ постель, чтобы черезъ часъ опять быть поднятыми тревожнымъ звономъ. Были ночи, когда казалось, что многое уже разрушено и люди убиты, думалось: блеснетъ утренній свѣтъ и глазамъ представится печальная картина развалинъ и груды труповъ; но Господь хранилъ то и другое. Случаи пораненій были, но рѣдко и единичные. Такъ что многіе думаютъ и теперь, что китайцы щадили насъ, не хотѣли насъ убивать, а только запугивали съ какой-нибудь дипломатической цѣлью. Но дѣло объясняется проще; китайскіе солдаты большіе трусы и, служа только изъ за денегъ, не любятъ рисковать жизнію; поэтому они рѣшительной атаки такъ-таки и не сдѣлали за все время двухмѣсячной осады. Что они насъ боялись чуть ли не больше, чѣмъ мы ихъ, то это ясно изъ того, что построивши баррикады по нашему образцу и укрѣпляя свои стѣны мѣшками съ землей, дѣлая бреши въ стѣнахъ, они боялись потерять свои укрѣпленія, боялись быть застигнутыми врасплохъ; поэтому всю ночь стрѣляли въ землю и набрасывали вокругъ груду камней.

думая, что тѣмъ могутъ остановить подползающихъ къ нимъ европейцевъ. Во время же тревогъ, они просто сидѣли за укрѣпленіями и пускали заряды на воздухъ безъ всякаго прицѣла; и такъ выбрасывали за ночь десятки тысячъ патроновъ. Въ темныя, дождливыя ночи они освѣщали ракетами, которыя пускали чрезъ стѣну прямо во дворъ посольства, и тѣмъ какъ будто обезопашивали себя отъ нашихъ ночныхъ вылазокъ. Привыкнувъ постоянно къ гранатамъ 2 и 3 дюймоваго діаметра, мы стали ожидать болѣе серьезной блокады посредствомъ бомбъ, которыя были у китайцевъ. На этотъ случай выстроено было въ англійскомъ посольствѣ до десяти продольныхъ траншей, крытыхъ землей и углублявшихся въ землю аршина на два: тамъ думали мы спасать свои животы, когда зданія будутъ разрушены. Нѣкоторыя стѣны зданій были повреждены чугунными двухъ колибровъ ядрами, по шести и по десяти фунтовъ каждое. Человѣкъ ко всему привыкаетъ и мы стали привыкать къ постояннымъ тревогамъ и менѣе тревожиться; такъ служба въ русской посольской церкви совершалась по праздникамъ и воскреснымъ днямъ своевременно, не смотря на усилившуюся стрѣльбу по нашему посольству. Успокоившись немного и наскучивъ ожиданіемъ нашихъ войскъ нѣкоторые стали вести дневники; я тоже сталъ ежедневно записывать кратко выдающіяся событія и чувства, такъ что съ 20-го іюня буду излагать по числамъ все мною записанное.

20-е іюня. Ночью была вылазка русско-американской партіи въ 30 человѣкъ на китайскую баррикаду на городской стѣнѣ. Баррикада взята, китайцы прогнаны до другой баррикады саженей на сто, на мѣстѣ легло около 40 человѣкъ хорошо вооруженныхъ и имѣвшихъ боксерскіе, красные пояса; съ нашей стороны ранено 3 матроса.

21 іюня. Шелъ дождь, погода сдѣлалась пасмурной, пальба изъ пушекъ продолжалась. Слышались отдаленные выстрѣлы, которые мы приписывали европейскимъ войскамъ. Ночью съ юго-восточной стороны показывался по временамъ бѣловатый лучистый свѣтъ; отдѣльные пучки этого свѣта дрожали въ сыромъ воздухѣ, освѣщали облака и измѣняли постоянно свое направленіе. Рѣшено было, что это боевой электрическій фонарь и что войска наши находятся не далѣе какъ въ 20 верстахъ отъ Пекина. Послѣ было узнано, что это китайскіе сигналы бенгальскими огнями. Въ полночь тревога.

22 іюня. Съ утра двѣ пушки съ восточной стороны съ

крѣпостныхъ воротъ обстрѣливали переулокъ, отдѣляющій русское посольство отъ англійскаго.

23 іюня. Военное время и нужда въ самомъ необходимомъ для жизни заставляли нашихъ молодыхъ людей часто прогуливаться по оставленнымъ нами же квартирамъ и брать тамъ что кому угодно. Мародерство быстро развилось такъ, что брали безъ зазрѣнія совѣсти все, что плохо лежитъ, такъ какъ торговли не было, надо было только умѣть взять. И у насъ были охотники подъ пулями ходить по улицѣ набирать всякаго добра и возвращаться съ «добычей». Въ послѣдніе дни главнымъ продуктомъ добыванія было вино, по преимуществу шампанское въ погребахъ клуба, во французскомъ посольствѣ. Такъ легко добытый товаръ вскорѣ находилъ себѣ потребленіе. Только русскіе, какъ всегда, нѣсколько пересаливали, а одинъ изъ нашихъ мародеровъ такъ угобзился, что среди бѣлаго дня пошелъ одинъ брать китайскую баррикаду, и зашелъ такъ далеко, что когда его подстрѣлили китайцы, тѣло никакъ нельзя было достать и человѣкъ, такимъ образомъ, лишенъ былъ погребенія. Ночью была послана первая партія китайцевъ англійской миссіи для укрѣпленія нашихъ баррикадъ на городской стѣнѣ, гдѣ съ западной стороны китайцы имѣли большія военныя силы и назойливо подвигались впередъ съ своими баррикадами. Пожаръ въ паркѣ Су-Фу.

24 іюня. Большая толпа европейцевъ собралась на дворѣ у воротъ англійскаго посольства; шли оживленные толки о томъ, какъ бы намъ завести свою артиллерію. Одинъ итальянецъ оружейникъ нашелъ гдѣ-то мѣдный цилиндръ отъ пожарной трубы и задумалъ сдѣлать пушку, такую, которая могла бы дѣйствовать, имѣющимися у насъ, русскими разрывными снарядами системы Барановскаго; но затѣя эта была оставлена; такъ какъ на заднихъ дворахъ нашлась въ землѣ европейская чугунная пушка, съ 60-хъ годовъ не бывавшая въ употребленіи и потому страшно заржавленная. Когда ее нѣсколько прочистили, то нашли, что она можетъ выбросить снарядъ, только, конечно, не въ силахъ выдержать ту порцію пороха, который положенъ въ патронъ снаряда, разсчитаннаго на круповскую пушку. Пришлось разрядить снарядъ; положить порохъ въ другой уменьшенной дозѣ и сдѣлать пробу. Провозились съ этимъ цѣлый день, всѣ были такъ оживлены, такъ радостны; рады были чѣмъ-нибудь утѣшиться и возлагали большія надежды на это жалкое орудіе. Къ вечеру,

все жъ таки удалось какъ-то перебросить одинъ снарядъ на вражскій бастіонъ, на стѣну императорскаго города, гдѣ онъ говорятъ разорвался и произвелъ панику. Въ одно время было объявлено по подворьямъ, что кто имѣетъ свинцовую и оловянную посуду, пусть ее несетъ къ оружейнику и тотъ будетъ отливать ядра. Быстро натаскана была цѣлая гора китайскихъ подсвѣчниковъ, чайниковъ, печей и проч. и литье началось. Вскорѣ, впрочемъ, интересъ толпы охладѣлъ, всѣ убѣдились по опыту, что свинцовая картечь и ядра 2-хъ дюймоваго діаметра не могутъ наносить никакого вреда китайскимъ баррикадамъ, къ тому же пушка не имѣла никакого прицѣла и не слушалась нашихъ пушкарей.

Настроеніе измѣнилось къ худшему, когда узнали, что въ городѣ расклеены объявленія—на 27 число назначалось избіеніе всѣхъ христіанъ. Въ эту ночь была моя очередь идти на городскую стѣну съ партіей китайцевъ въ 15 человѣкъ. Задача состояла въ томъ, чтобы прорыть узкій корридоръ отъ входа на стѣну до большой баррикады, недавно отнятой у китайцевъ; чтобы подъ прикрытіемъ земляного вала американцы и наши могли доходить до передовыхъ постовъ на западъ по стѣнѣ. Городская стѣна въ верху имѣетъ толщину саженей въ 30 и на ней можно было сооружать большія постройки. Ночь была темная, потому что луна восходила поздно. Черезъ каждыя 3—4 минуты съ китайскихъ баррикадъ съ востока и запада стрѣляли изъ ружей вдоль стѣны какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ надо было работать. Пули летѣли очень низко, нерѣдко сбивая верхушки травъ и кустовъ, которыми была покрыта стѣна. Наши солдаты отвѣчали на эти выстрѣлы и такъ поддерживали бодрость непріятелей и свою. Огонь отъ каждаго залпа можно было видѣть, но звукъ выстрѣла и звукъ отъ пролета пули достигали почти въ одно время. Трудно было только начать работу, потомъ она пошла обыкновеннымъ порядкомъ. Сначала же наши рабочіе должны были, лежа на брюхѣ, ломами подымать полуаршинныя плиты, которыми вымощена вся стѣна; затѣмъ короткой лопатой выбирать землю въ видѣ округлаго углубленія. Въ этомъ углубленіи можно было сидѣть поджавъ ноги по-турецки и продолжать рытье уже сидя; въ случаяхъ же усиленной стрѣльбы, надо было ложиться въ ту же яму и спокойно ожидать, когда все стихнетъ. Были здѣсь такіе смѣльчаки, которые выпрямившись во весь ростъ проходили по рвамъ и ни кто

не былъ раненъ. Такъ работа продолжалась до разсвѣта 7 часовъ подрядъ, и усталости не чувствовалось; ровъ былъ доведенъ вчернѣ до самаго выхода, оставалось все это обдѣлать и устроить получше въ слѣдующую ночь.

25 іюня. Въ 5 час. вечера, во время вечерни, китайцы съ западной части городской стѣны стали разбивать гранатами колокольню русскаго посольства; видимо цѣлились въ крестъ, который былъ хорошо видѣнъ со стѣны. Но въ крестъ ни разу не попали, а разбили крышу колокольни, сдѣлали нѣсколько пробоинъ въ крышѣ дома посланника и въ окружающихъ зданіяхъ. Всѣхъ выстрѣловъ было двѣнадцать.

26 іюня. Во французскомъ подворьѣ поймано четыре поджигателя. Обнаруженъ подкопъ надъ казачью казарму.

27 іюня. Особеннаго не произошло, только во время обычной стрѣльбы изъ пушекъ, одна граната попала въ кабинетъ русскаго посланника, когда тамъ никого не было, и разорвалась.

28 іюня. Со стѣны наши часовые замѣтили движеніе китайцевъ на западныхъ баррикадахъ; видимо они оставляли свои бастіоны и куда-то уходили; перетаскивали рисъ изъ складовъ кумирень. Въ это время наши побили со стѣны не мало боксеровъ и достали три куля бѣлаго риса.

29 іюня. Праздникъ св. Петра и Павла. Во время литургіи поднялась блокада русскаго посольства; пули попадали въ окна церкви, разрывались ударяясь о западную стѣну ея; граната пробила крышу и разорвалась на потолкѣ; одинъ осколокъ упалъ на полъ. Въ церкви пахло пороховымъ дымомъ. Мы думали, что не выйдемъ оттуда. Въ ночь обнаружилось, что китайцы хотѣли проникнуть въ англійское посольство по водосточной трубѣ, но были замѣчены часовыми. Въ выходномъ отверстіи этой трубы, подъ стѣною англійскаго посольства, была сдѣлана дверь, чрезъ которую можно было проходить въ каналъ подъ прикрытіемъ нашей баррикады и попадать на дворъ Су-Фу, а оттуда во французское и японское посольства. Такъ какъ это отверстіе подъ стѣною находилось вблизи русскаго корпуса, то наши волонтеры днемъ и ночью держали караулъ, пропуская китайцевъ по карточкамъ, выдаваемымъ изъ какого-нибудь посольства. Не смотря на бдительность нашихъ волонтеровъ, возможно было шпіонамъ проникать въ посольство и освѣдомляться о количествѣ провіанта и военныхъ приготовленіяхъ англичанъ; такъ какъ карточки легко можно

было передавать, а мы, не настолько знали языкъ, чтобы дѣлать распросы и опредѣлять—христіанинъ ли идетъ, или язычникъ-шпіонъ.

30 іюня. Вечерня служилась нами при большомъ безпокойствѣ отъ выстрѣловъ. Къ закату солнца ясно слышались сборные сигналы знаменныхъ китайскихъ войскъ, которые передвигались на востокъ и готовились напасть на французское и нѣмецкое посольства. Нападеніе началось взрывомъ стѣны во французскомъ посольствѣ при чемъ китайцы сами пострадали отъ взрыва въ количествѣ 25 человѣкъ и взорвано было 2 французскихъ солдата. Толпа солдатъ съ криками, трубнымъ ревомъ и пламенемъ пожара ворвалась во дворъ и заняла половину главнаго корпуса въ французскомъ посольствѣ. Многія тысячи воиновъ, стоявшія еще за стѣной, проникали въ нѣмецкое посольство; они были отбиты подоспѣвшими русскими матросами и волонтерами. Ночь была очень бурная и страшная; пожары вокругъ не прекращались до утра.

Такъ половина французскаго двора досталась китайцамъ и въ главномъ зданіи кабинетъ былъ занятъ китайцами, гостиная составляла дистанцію военныхъ дѣйствій, а столовая оставалась за французами. Въ виду такой близости непріятеля, можно было оставить ружья и драться пустыми бутылками и обломками кирпича. Это такъ и оставалось до конца осады. Въ эту ночь выбыло всего у насъ изъ строя 8 человѣкъ разныхъ національностей.

1 іюля. Получено письмо, якобы, отъ князя Цина, который, выражаетъ сочувствіе и, видимо, желаетъ начать переговоры. Вечеромъ у всенощной не было ни одного человѣка, служили мы втроемъ. Стрѣльба изъ пушекъ.

2 іюля. Посланъ отвѣтъ Цину,—что мы не прочь разговоры разговаривать лишь бы какъ-нибудь протянуть время и дождаться прихода войскъ. Въ англійскомъ посольствѣ стали устраиваться контрмины; стѣна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрѣплена землей; сдѣланы бойницы вдоль стѣны, словомъ приготовились ко взрывамъ и атакѣ.

3 іюля. День тихій, пушечныхъ выстрѣловъ не было до вечера. Ночью сильная канонада въ сторонѣ французской духовной миссіи, такъ называемой Бэй-тана.

4 іюля. Перемиріе; выстрѣлы смолкли; китайцы безъ оружія сидятъ на своихъ стѣнкахъ свѣсивши ноги; болтаютъ ногами, болтаютъ и языками; подзываютъ матросовъ, угощаютъ

ихъ яйцами и огурцами. Европейны совсѣмъ повеселѣли, стали довѣрчивы къ врагамъ. Одинъ французскій студентъ зашелъ слишкомъ далеко, приблизился къ самой баррикадѣ, ему кто-то подалъ руку и дружески увлекъ его къ себѣ. Студентъ изчезъ, поднялись толки о томъ, что его будутъ мучить. Но черезъ день онъ вернулся обратно съ письмомъ, говорилъ, что китайцы водили его въ залъ своего министерства иностранныхъ дѣлъ и тамъ угощали его чаемъ и фруктами. Однако этого смѣльчака посадили подъ арестъ, чтобъ но повадно было другимъ.

5 іюля. Выстрѣловъ нѣтъ. Китайцы пріѣхали съ визитомъ; были въ нѣмецкомъ и русскомъ посольствахъ. Въ 5 ч. вечера на англійской баррикадѣ за воротами посольства было свиданіе посланниковъ съ пятью секретарями изъ китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Вернулся японецъ, спущенный раньше съ городской стѣны; онъ побывалъ подъ Тяньзиномъ и разсказывалъ о его взятіи европейцами и о томъ, что въ Таку высадились 20 тысячъ японцевъ. Китайцы доставили намъ номеръ своей газеты «Денъ-бау», въ которой обнародовался императорскій указъ, объявляющій войну, составленный удивительно умно и краснорѣчиво. Говорилось, что китайскимъ солдатамъ выдано жалованье около 150 тысячъ рублей за одержаніе какихъ-то двухъ блистательныхъ побѣдъ надъ европейцами; говорилось, что казненъ министръ желѣзныхъ дорогъ и что Чжилійскій губернаторъ лишилъ себя жизни.

6 іюля. Пріѣзжали китайскіе министры; были приняты на улицѣ; выражали сожалѣніе о положеніи европейцевъ, о недостаткѣ пищи у нихъ, о дѣтскихъ болѣзняхъ; обѣщали доставлять для дѣтей яйца, фрукты и совѣтовали всѣмъ намъ ѣхать въ Тяньзинъ. Вечеромъ получено оффиціальное предложеніе оставить Пекинъ въ теченіе однихъ сутокъ. Другое, частное письмо, якобы отъ Цина, съ дружеской просьбой оставить Пекинъ. Ночью была блокада въ сторонѣ Бэй-тана. Объясняли ее тѣмъ, что католики не признавали перемирія и продолжали стрѣлять въ осаждавшихъ. Но по другимъ извѣстіямъ это было вызвано отчаянной вылазкой католиковъ, которые хотѣли достать фуража, но были отбиты китайцами.

7 іюля. Перемиріе продолжается. Отправлено письмо въ Тяньзинъ. Царица-регентша прислала подарокъ черезъ военнаго министра Чжунъ-Лу: цѣлую гору арбузовъ и огурцовъ.

немного яицъ и фруктовъ. Весь день прошелъ въ пріемѣ этого подарка и развозкѣ его по посольствамъ. Европейцы совсѣмъ ободрились; съ радостію приняли подарокъ. Былъ вѣрный слухъ, что одинъ изъ чиновниковъ, бывшихъ у насъ съ визитомъ, взялся доставлять намъ барановъ и муку. Имъ было доставлено тысяча китайскихъ фунтовъ муки. Такъ въ мирныхъ переговорахъ прошло время до 11-го числа. Мы предупреждали своихъ солдатъ не слишкомъ-то довѣряться врагамъ и держать крѣпче свои посты. Доходили слухи, что всѣ городскія ворота кромѣ юго-восточныхъ заняты боксерами. Бэй-танъ отстрѣливается. Ночью стали опять пускать ракеты и началась пальба по случаю прибытія въ Пекинъ транспорта съ 190 челов. раненыхъ Ламфусьянскихъ солдатъ. Это было первымъ достовѣрнымъ свѣдѣніемъ о дѣйствіи нашихъ войскъ; видно было, что они гдѣ-то сильно сражались. Хотя къ этому времени всѣ потеряли уже вѣру въ извѣстія о нашихъ войскахъ и спокойно ожидали смерти.

12 іюля. Пришелъ китаецъ съ тремя письмами: въ одномъ китайское правительство убѣдительно проситъ всѣхъ посланниковъ отправить телеграмму, (только не шифрованную), въ Европу съ извѣстіемъ о томъ, что мы всѣ живы и здоровы. Эту телеграмму китайцы брались сами доставить въ Тяньзинъ на телеграфъ. Въ другомъ письмѣ предлагаютъ перевозочныя средства, повозки и лодки для доставки насъ въ Тяньзинъ и что самъ Чжунъ-Лу готовъ сопровождать насъ съ ручательствомъ за безопасность. Третье письмо секретное, говорятъ, что въ немъ китайцы просили защиты у нѣкоторыхъ или у всѣхъ европейцевъ, особенно же у американцевъ; приглашали ихъ въ союзники для поддержанія гибнующаго Китая. Ночью къ русскому посольству подходили боксеры близко, совали пиками въ отверстія стѣнъ, желая заколоть часовыхъ; бросали чрезъ стѣну камнями. Наши не отвѣчали имъ ни чѣмъ, жалѣя расходовать патроны.

13 іюля. Тихо; только ночью была стрѣльба изъ ружей. Получено извѣстіе о трехъ сраженіяхъ русскаго отряда по дорогѣ.

14 іюля. Получено письмо изъ Тяньзина отъ англійскаго консула о приходѣ европейскихъ войскъ (запоздалое).

15 іюля. Японскій генералъ опубликовалъ опроверженіе слуховъ о движеніи войскъ и установилъ лучшее настроеніе. Китайцами напечатанъ указъ о нападеніи на Бэй-танъ.

16 іюля. Получено извѣстіе о какой-то китайской побѣдѣ надъ европейцами въ Матоу, въ 20 верстахъ отъ Пекина. По другимъ пяти извѣстіямъ европейскія войска находятся въ Ай-Питъ въ 50 верстахъ отъ Пекина. Ночью выстроена китайцами баррикада на сѣверномъ мосту чрезъ каналъ, что предвѣщало передвиженіе китайскихъ войскъ съ восточной стороны города на западную.

17 іюля. Одинъ изъ казаковъ, страдая лихорадкой, принялъ по ошибкѣ, вмѣсто хины, стрихнинъ; подана ему скорая помощь нѣмецкимъ врачемъ; остался живъ. Истощеніе силъ у нашихъ матросовъ отъ плохой пищи начало проявляться въ заболѣваніяхъ желудкомъ. Многіе страдали кровавымъ поносомъ.

18 іюля. Разнесся слухъ о прибытіи 7 тысячъ боксеровъ въ Пекинъ и что главному директору таможни и почтъ въ Китаѣ, г-ну Харту, прислано письмо отъ китайскаго правительства съ просьбой извѣстить европейскіе дворы телеграммой о томъ, что живы европейскіе представители въ Пекинѣ, такъ какъ посланники раньше отказались послать отъ себя такую телеграмму.

19 іюля. Три тысячи боксеровъ вышли обратно изъ города.

20 іюля. Получено извѣстіе, что Пэйтахо сожжено до основанія, что русскія войска заняли Манчжурію и г. Ньючжуанъ взятъ и убито во время возмущенія 17 человѣкъ строителей русской желѣзной дороги; самую же дорогу размыло дождемъ, которому успѣшно помогали и боксеры.

21 іюля. По китайской газетѣ одинъ отрядъ китайцевъ пошелъ на сѣверъ въ Калганъ, куда ожидается прибытіе русскихъ войскъ чрезъ Монголію. Калганъ разрушенъ; купцы русскіе бѣжали въ степь.

22 іюля. Раненъ одинъ матросъ при постройкѣ баррикады во дворѣ русско-китайскаго банка; на утро онъ умеръ и погребенъ от. архимандритомъ.

23 и 24 іюля. Циркулировали слухи, что китайскіе солдаты, на восточной сторонѣ отъ насъ, продаютъ свое оружіе и патроны японцамъ и уходятъ въ деревню хлѣбъ сѣять.

25 іюля. Полученъ императорскій указъ о полномочіи Лихунъ-Чанга для переговоровъ съ Европой по прекращенію войны. Раненъ японецъ. Ночью китайцы нападали на насъ съ криками «ура».

26 іюля. Чрезвычайныя собранія продовольственныхъ на-

шихъ комитетовъ съ вычисленіемъ,—насколько дней хватитъ еще пищи. Начались аукціоны вещей, набранныхъ въ разное время изъ разрушенныхъ китайскихъ домовъ; продажа въ пользу англійскихъ солдатъ, хотя они терпѣли меньше нашихъ солдатъ, имѣя лучшій столъ и по бутылкѣ пива на каждаго.

27 іюля. Бѣлый рисъ кончился, стали варить черный рисъ съ пшеницей.

28 іюля. Получено шифрованное письмо отъ начальника европейскаго отряда съ извѣстіемъ о возможности прибытія войскъ чрезъ 5 или 6 дней. Общая радость по случаю прибытія двухъ гонцовъ съ хорошими извѣстіями о приближеніи отряда. Избавленіе близко, но какъ мы поймемъ его? Увидимъ ли избавляющую насъ десницу Вышняго, или припишемъ избавленіе себѣ самимъ? Общій подъемъ духа. Заговорили о послѣдствіяхъ «славнаго сидѣнья», что нужно увѣковѣчить его посредствомъ отливки жетоновъ, и рисунки таковыхъ выставлены уже у англійской колокольни. Предлагались проекты жетона на общее обсужденіе и выборъ. Проектовъ было нѣсколько, на одномъ изъ рисунковъ красовалась надпись: «Мани-факелъ-фаресъ»! Гордые европейцы забыли уже недавнее испытаніе Божіе и мысленно дѣлили Китай какъ военную добычу. Хотя стрѣльба еще продолжалась, но ея никто уже не боялся. фотографы ходили всюду, дѣлали снимки съ баррикадъ, готовя матеріалы для будущаго роскошнаго изданія на двухъ языкахъ англійскомъ и французскомъ, описывающаго подробности и предварительные документы, относящіеся къ «Сидѣнью». По вечерамъ отовсюду слышались пѣсни, пѣніе гимновъ духовныхъ и національныхъ; даже русскихъ разобрало и они пропѣли, спеціально для иностранцевъ, гимнъ народный и дубинушку.

29 іюля. Въ лазаретѣ состояло изъ русскихъ матросовъ пять человѣкъ больныхъ желудочными болѣзнями отъ дурнаго питанія. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ дизентеріи. Китайское правительство обѣщаетъ присылать намъ пищу: барановъ, овощи, муку, чѣмъ желаетъ показать, что оно не солидарно съ нападающими на насъ солдатами. А въ китайской газетѣ оффиціально заявлено, что китайскіе солдаты отказались повиноваться правительству, и что оно не отвѣчаетъ за ихъ дѣйствія.

Опять мы стали ждать рѣшительной облавы и поставили пятиствольную англійскую митральезу на стѣну въ томъ мѣстѣ, откуда ждали нападенія, съ такъ называемой, Монгольской

площади. Въ 11 часовъ ночи началась жестокая стрѣльба изъ пушекъ и ружей, при чемъ подъ самыми стѣнами посольствъ китайцы неистово кричали. Въ сторонѣ Бей-тана слышалась тоже стрѣльба до самого утра.

Въ эту ночь убитъ одинъ французъ и одинъ австріецъ раненъ.

30 іюля. Министры китайскіе прислали свои карточки съ предложеніемъ завтра въ 11 ч. дня имѣть свиданіе съ посланниками для мирныхъ переговоровъ; вѣроятно думали, что ихъ пустятъ въ посольство, но ихъ предположено принять на улицѣ. Въ этотъ день убитъ шальной пулей французскій офицеръ, и когда проходила чрезъ конецъ Монгольской площади колонна вооруженныхъ китайскихъ войскъ, направляясь къ городскимъ воротамъ, то англичане стрѣляли въ нихъ и тѣмъ ускорили ихъ маршъ. Всю эту ночь была усиленная стрѣльба изъ ружей.

31 іюля. Получено грубое письмо министровъ; они извѣщаютъ, что не могутъ явиться для мирныхъ переговоровъ, потому что вчера англичане выбили изъ строя одного полковника и 22 китайскихъ солдата,—это не мирные отношенія! Всенощная была въ обычное время; въ церкви никого не было; всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ, приближалась развязка,—всѣ ждали ужасовъ. Дѣйствительно къ 11 час. ночи пальба изъ пушекъ и ружей усилилась до чрезвычайности. Это былъ какой-то адъ! весь воздухъ наполнился свинцомъ и газами.

Въ темнотѣ летали раскаленные угли. Всѣ понимали, что это послѣдняя ночь и молили Бога, чтобъ дожить только до утра. Мы могли погибнуть въ то время, какъ избавленіе было такъ близко; и когда пальба нѣсколько стихала, мы ясно слышали за городомъ выстрѣлы сильной европейской артиллеріи и скорострѣльныхъ мелкихъ орудій. Китайцы нѣсколько разъ собирались открыть огонь вдоль канала, но каждый разъ были останавливаемы дѣйствіемъ американской митральезы, которая стояла у главныхъ воротъ англійскаго посольства и могла осыпать пулями бойницы императорскаго города, гдѣ стояли болѣе солидныя пушки. Со страхомъ слушали мы работу этой митральезы, зная, что каждая минута уносила 300 патроновъ, а у насъ такъ мало оставалось ихъ.

Всѣ понимали, что переживаемъ рѣшительныя минуты, что положеніе обѣихъ сражающихся сторонъ было серьезное. Къ утру кое-какъ все успокоилось.

1 августа. Праздникъ происхожденія честныхъ древъ Креста Господня. По рану въ 6 ч. отслужили мы литургію въ посольской церкви и укрѣпились надеждою, стали спокойно ждать смерти или избавленія. Съ самаго утра слышались тѣ же выстрѣлы европейскихъ пушекъ и митральезы на юго-восточномъ углу города. Затѣмъ ясно было замѣтно, какъ артиллерія передвигалась на сѣверъ и заняла восточное положеніе. Выстрѣлы приближались, слышались залпы, трескъ ружей. Никто уже не сомнѣвался, что европейскія войска брали городскія ворота. Говорятъ, что атака русскими войсками производилась быстро, чтобъ не дать японцамъ первыми войдти въ городъ; но тѣ пошли дальше на сѣверъ, желая оцѣпить Пекинъ и не давать китайскимъ войскамъ выхода изъ него. Сопротивленіе китайцевъ предъ русскими было сильное, не даромъ одинъ генералъ былъ раненъ, полковникъ и три офицера убиты; отъ одной роты солдатъ осталась едва ли половина, изъ другихъ тоже выбыло не малое число. Китайцевъ погибло тоже много, пока они наконецъ не обратились въ бѣгство вдоль стѣны, на самой городской стѣнѣ и по улицамъ города. Но объ этомъ мы узнали послѣ, по разсказамъ. Приходъ же первыхъ европейскихъ войскъ къ намъ былъ мирный и радостный. Около четырехъ часовъ вечера, было тогда, когда мы услышали на улицѣ и у канала крики «ура». Всѣ выбѣжали на улицу, куда дѣвался страхъ! Видимъ по каналу идутъ черные люди въ чалмахъ въ англійской желтоватой одеждѣ, всѣ мокрые, усталые. Это мулаты или индѣйскіе войска англичанъ. Они зашли съ южной стороны, проползли по водосточной трубѣ и вышли въ каналъ безъ всякой стрѣльбы или сопротивленія. Съ собой вели и лошадей и мулловъ, все это мокрое, въ грязи, усталое, но и радостное, потому что здѣсь былъ конецъ ихъ трудному переходу и европейцы встрѣчали ихъ дружнымъ крикомъ «ура». Они то же кричали «ура» и бросали шапки вверхъ. Въ этомъ отрядѣ было всего человѣкъ триста; но когда они вошли во дворъ англійскаго посольства и молодцевато промаршировали по главному двору, мы уже поняли, что «сидѣнье» окончилось и стали обнимать другъ друга и поздравлять. Между тѣмъ стали приходить отдѣльныя части войскъ — англичане, русскіе, французы. Они съ музыкой проходили мимо посольствъ и распредѣлялись по указаннымъ мѣстамъ. Русскіе не узнавали Пекина и спрашивали: «далеко ли Пекинъ? говорятъ до него еще 6 верстъ осталось».

Здѣсь я могъ бы окончить свое повѣствованіе, потому что съ войсками пришелъ штабъ, а съ нимъ военный корреспондентъ, такъ что затѣмъ происходило, вѣроятно, будетъ достояніемъ исторіи; тѣмъ болѣе я не берусь писать, что русскіе не любятъ гласности и на всѣ распросы отвѣчаютъ: «неизвѣстно». Дней съ десять послѣ того мы видѣли пожары въ разныхъ частяхъ города, слышали пальбу изъ орудій, но что собственно все это значило, намъ «неизвѣстно». А что случайно, въ отрывкахъ, мнѣ стало извѣстно, о томъ скажу два слова.

2 августа. Съ 7 ч. утра началась блокада императорскаго города и къ 10 часамъ усилилась. До 12 часовъ было взято три передовыхъ двора; брали одни американцы: у русскихъ пушекъ лафеты оказались повреждены. Въ 8 ч. французы прошли въ Бэй-танъ; японцы весь вечеръ жгли сѣверную часть города. Составился военный совѣтъ о томъ, что дѣлать съ Пекиномъ. Нужно ли всѣхъ жителей вырѣзать, какъ подавали голосъ японцы, или искать только боксеровъ. Рѣшено раздѣлить городъ на части по числу націй участвующихъ въ войнѣ и поставить губернаторовъ на военномъ положеніи для суда и расправы. Къ 9 часамъ вечера прибылъ обозъ съ тѣлами вчера убитыхъ и они погребены, соборнѣ, на подворьѣ дипломатической миссіи на югъ отъ церкви, гдѣ уже было ранѣе погребено нѣсколько американскихъ и русскихъ солдатъ.

3 августа. Квартирный вопросъ давалъ себя чувствовать. Съ приходомъ войскъ мѣста въ посольствѣ находилось мало и раньше-то жили въ тягость своимъ соотечественникамъ, а теперь и вовсе. Англичане насъ сплавили на другой же день послѣ прихода войскъ, да иначе и быть не могло. Русскіе офицеры почему-то все ютились близь штаба, а штабъ почему-то тоже былъ въ посольствѣ, хотя ему можно было бы найти въ Пекинѣ подходящій дворецъ или общественное зданіе. А главное намъ наскучило сидѣть безъ дѣла за спиной у дипломатовъ; душа рвалась на свободу, и получивъ оную, о. архимандритъ отправился на сѣверъ города, поближе къ старому пепелищу. Тамъ, мы знали, была большая монгольская кумирня, называемая Юнъ-хо-гунъ, при ней ламайскій монастырь и царскій дворецъ, временная квартира императора, когда онъ пріѣзжалъ поститься въ эту кумирню. Говорятъ, что этому дворцу есть триста лѣтъ и что здѣсь

родился одинъ изъ императоровъ и провелъ всю свою жизнь. Указываютъ на трехъ императоровъ, въ числѣ коихъ былъ извѣстный преобразователь и другъ европейцевъ Кань-си. Дворецъ состоитъ изъ трехъ главныхъ корпусовъ, трехъ главныхъ дворовъ и массы мелкихъ домиковъ и дворниковъ. Постройка вполнѣ удобная для размѣщенія миссійскихъ учрежденій и службъ. Раньше мы не знали о существованіи дворца, хотя часто проходили мимо его, когда гуляли вдоль стѣны города. Поэтому от. архимандритъ думалъ занять самую кумирню и нарочно имѣлъ о томъ совѣщаніе съ тремя ламами, приходившими къ нему въ посольство. Но оказалось потомъ, что намъ приходилось имѣть дѣло съ японцами, такъ какъ мѣстность Юнъ-хо-гунъ и старое наше пепелище находятся на японской части города. На просьбу разрѣшить намъ занять дворецъ, японскій посланникъ заявилъ, что въ этой кумирнѣ японцы намѣрены устроить госпиталь для раненыхъ, но послѣ онъ далъ какое-то разрѣшеніе. Итакъ дворецъ этотъ теперь занятъ миссіей, устроена церковь въ одной изъ залъ дворца. Когда китайцы - христіане стали приходить къ от. архимандриту, онъ принималъ ихъ, устраивалъ жить на дворахъ и нашелъ учителя для открытія тутъ же школы покуда изъ 5 человѣкъ. Обстановка дворца простая; царская домашняя утварь лежитъ въ кладовыхъ и мы соблюдаемъ ее неприкосновенной, а заводимъ свою мебель; чистимъ дворы, убираемъ разрушившіяся зданія и намѣрены воздвигать на мѣсто ихъ новыя. Но не рѣшаемся теперь, такъ какъ не знаемъ,— долго ли будемъ оставаться здѣсь. Теперь намъ положительно выгоднѣе было бы для дѣла стать подъ покровительство какой-либо другой дипломатіи. Нашу духовную миссію ни за что не считаютъ. Не признаютъ нашего права быть солидарными съ своей паствой; не признаютъ нашихъ обязанностей къ пасомымъ, ни связи нашей судьбы съ ихъ судьбой. Трактуютъ насъ какъ людей праздныхъ, могущихъ разгуливать по другимъ городамъ и весямъ, оставивъ Пекинъ если не навсегда, то на значительное время. Теперь, когда христіане собрались къ намъ, кое-что уже организовалось, заведено маленькое *хозяйство*—коровы, овцы, лошади, куплено кое-что изъ обстановки; но главное дано дѣло и дана помощь христіанамъ; теперь намъ говорятъ: оставляйте все, поѣдемте съ нами въ Тяньзинъ; потому что дипломатія отзывается туда по телеграммѣ изъ Петербурга. И если насъ заставятъ выѣхать хотя на недѣлю,

мы теряемъ имущество, христіанъ и помѣщеніе, которое теперь занимаемъ по праву или безъ права, все равно—намъ не куда дѣться, мы вынуждены были занять такъ же, какъ и другія миссіи заняли. Но всѣ остаются въ Пекинѣ, спѣшатъ собрать разсѣянныя стада своихъ овецъ, а мы почему-то должны ѣхать въ хвостѣ нашей дипломатической миссіи! Русскія войска частями уходятъ изъ Пекина, мы покуда остаемся; развѣ только удалятъ насъ по этапу, или закроютъ миссію совсѣмъ, и объ этомъ былъ разговоръ. Но разговоровъ, вообще, было довольно; разговаривать гораздо легче, чѣмъ управлять частью Пекина и судить китайцевъ, не зная ни языка, ни мѣстныхъ обычаевъ. Всѣ націи грабили Пекинъ въ первые дни вступленія въ него; японцы завладѣли напр. $2^1/_2$ милліонами серебряныхъ рублей въ одномъ изъ финансовыхъ учрежденій. Но всему своя мѣра; теперь всѣ воздерживаются отъ грабежа; китайцы запуганы, не показываются, а нѣкоторые скочевали въ другія части города. Ну, управились, нечего сказать! показали себя христіанами; китайцы долго не забудутъ такихъ европейцевъ, съ такими нравами. Сначала сами офицеры посылали солдатъ на грабежъ, а теперь нѣтъ возможности удержать ихъ; дисциплина пала. За то сколько наградъ, сколько знаковъ отличій будетъ получено! и больше все за храбрость...

15 августа была почему-то сожжена англичанами одна городская башня на воротахъ, въ которыя въѣзжаютъ китайскіе цари въ свой императорскій городъ. Въ тотъ же день въ императорскомъ городѣ былъ парадъ войскъ; прохожденіе ихъ по всѣмъ дворцамъ съ криками: ура! Это было сдѣлано должно быть для того, чтобы спугнуть всѣхъ царскихъ духовъ и прогнать ихъ, а для чего войсками занавоживаются дворы въ императорскомъ городѣ, гдѣ они расквартированы, это ужъ вѣроятно затѣмъ, чтобы возбудить ревность въ бѣжавшемъ китайскомъ царѣ и заставить его вернуться изъ своего убѣжища, гдѣ онъ скрывается въ ожиданіи, когда европейцы отъ голоду оставятъ Пекинъ и уберутся совсѣмъ изъ Китая.

18 августа отправился въ Тяньзинъ (и дальше) первый транспортъ съ русскими, желающими отдохнуть въ Японіи. Съ нимъ выѣхалъ и отецъ дьяконъ В. И. Скрижалинъ во Владивостокъ, а, можетъ быть, и дальше—въ Россію.

Не представляется мнѣ сколько-нибудь яснымъ,—въ какомъ теперь видѣ продолжается война и какія въ скоромъ

времени воспослѣдуютъ измѣненія въ управленіи Пекина и останемся ли мы здѣсь. Теперь такое неопредѣленное и измѣнчивое время! Говорятъ, что Пекинъ достанется японцамъ; если случится такъ, мы не думаемъ, чтобы намъ было хуже жить здѣсь, развѣ только даровой квартиры лишимся, и перейдемъ изъ дворца въ хижины. А можетъ быть, что еще случится непредвидѣнное; можетъ быть опять попадемъ въ осаду, можетъ быть такъ, въ смятеніи духа, попадемъ и на тотъ свѣтъ. Потому я и сталъ писать все это поскорѣе, чтобъ не унести съ собой въ могилу то, что можетъ иллюстрировать ходячія мнѣнія европейцевъ о Китаѣ. На этихъ дняхъ мнѣ пришлось побывать на мѣстѣ бывшаго сѣвернаго подворья. Что за печальная картина! Даже деревья спилены подъ корень и свезены: ни кустика, ни зелени; остались одни обломки кирпича. А скоро ли еще китайцы распашутъ это мѣсто и посѣютъ просо, какъ дѣлали они въ Манчжуріи по линіи разрушенной желѣзной дороги! Только планъ церкви еще можно отличить сейчасъ; но что дѣлать? Подворье упразднено навсегда и опредѣлено подъ кладбище, есть уже четыре свѣжихъ могилы...

Іером. Авраамій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки